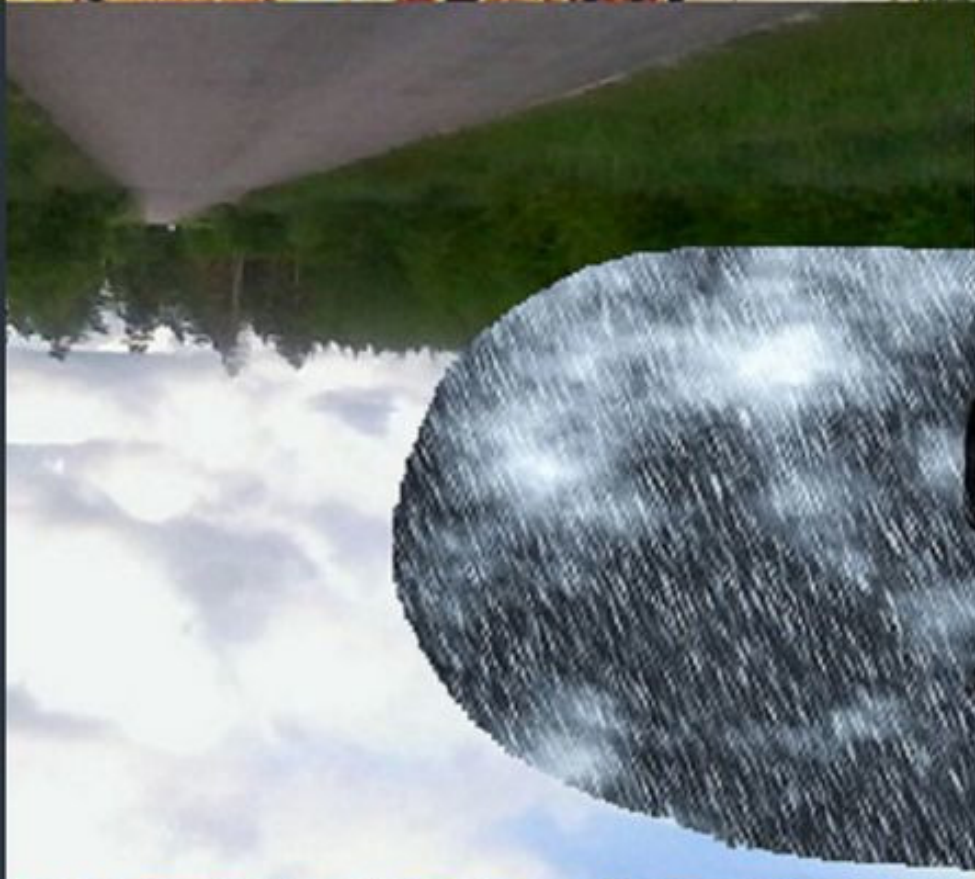

18+

ЯНА ТИМОФЕЕВА

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

ДАМА ТРЕФ, ИЛИ СКАЗКА ДЛЯ
ВЗРОСЛОЙ ЗОЛУШКИ

Яна Тимофеева

**Незванный гость. Дама тревф, или
Сказка для взрослой золушки**

«Издательские решения»

Тимофеева Я.

Незванный гость. Дама трэф, или Сказка для взрослой золушки /
Я. Тимофеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501788-8

Чёрный Мерседес с белорусскими номерами внезапно остановился в шаге от меня, тонированное стекло беззвучно опустилось вниз. Водитель, светловолосый молодой человек, бросил на меня взгляд поверх солнцезащитных очков, и светлые глаза его будто увидели меня насквозь... Помнится, я испытала желание бежать без оглядки, прямо через поле, перепрыгивая пеньки, по высокой траве с хлёсткими стебельками, по распаханному под посадку новых деревьев бороздам, куда угодно, только подальше от этих глаз!.. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-501788-8

© Тимофеева Я.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	37
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Незванный гость Дама тревф, или Сказка для взрослой золушки

Яна Тимофеева

© Яна Тимофеева, 2024

ISBN 978-5-0050-1788-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-1789-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Длинный выдался день, ох, длинный, если считать, что начался он со вчерашнего вечера и так ещё до сих пор и не закончился: длинный, как все летние вторники, когда после ночного учёта приходится работать до семи вечера, а потом пешадралом тащиться домой и на закуску вставать к плите. Раньше переносила такие дни запросто, а сейчас... старею, наверное, – устала аки раб на галере.

Да ещё и эпизод один, казалось бы, шуточный, привнёс в этот бесконечный день дополнительную, не слишком приятную ноту... Хрень, казалось бы, а вот прямо из головы не идёт, хоть застрелись.

Да чего уж, нет смысла скрывать – для того, как говорится, и пишется, чтоб рассказать всем. Короче... дело было так.

Выйдя нынче из магазина через главный вход, я буквально налетела на грузную старуху, с наглухо обмотанной линиялым платком головой, в засаленном, слишком тёплом для июньского вечера халате, приноровившуюся торговать чем попало прямо у входа. Та расселась на заборчике, больше для красоты сооружённом вокруг газончика, что обрамлял павильон, и расставила перед собой дежурный инвентарь: перевёрнутый ветхий деревянный ящичек, на котором покоился выдавший виды и изрядно проржавевший кантер, многократно перемотанную разноцветной проволокой тележку-каталку на двух колёсах и, собственно, тару с товаром – два пластиковых ведёрка, обвязанных сверху старым и весьма ветхим целлофаном.

Видела я эту бабку, разумеется, не впервые – она тут чуть ли ни ежедневно ошивалась, если позволяла погода: усаживалась на загородку и потчевала народ то зеленью, то грибами маринованными, то соленьями собственного изготовления, порой приносила ягоды или даже домашние яйца. Раньше хозяйка, то бишь, начальница моя, трёхэтажным матом проклятую конкурентку крыла да в шею прочь гнала, требуя того же от подданных, то есть, от нас, продавцов, но в последнее время то ли смягчилась, то ли смирилась – уж не знаю, но сидит бабка спокойно уже с апреля-месяца, а Ольга Владимировна теперь ходит мимо неё как мимо столба и слова не говорит. Ну, а раз начальству дела до старухи больше нет, то нам-то и вовсе пофиг, и я, как все мои коллеги, прошла бы как всегда, не обернувшись, да – вот незадача! – ненароком о металлическую телегу запнулась и тут же схватилась за ушибленное, употребив соответствующее случаю нецензурное выражение.

– Купи клубнички, дочка! Своя, только что с огорода!.. – уловив неожиданное, хотя и весьма негативное внимание с моей стороны и зазывно заулыбавшись, тут же беззубо зашамкала бабка.

– Здесь нельзя торговать, уходите, – процедила я сквозь зубы: о бабкино ржавьё я предельно приложила большим пальцем на левой ноге, так, что аж кровь выступила из-под ногтя, и теперь конечно же злилась. Ещё и отношение такое покорило: человек покалечился, а к нему мало того, что ни тени сострадания, так ещё и втюхивать что-то пытаются! Хотелось бы мне той бабке и поглубже чего сказать, да не приучена хамить старикам как бы они не накосячили.

– А чего нельзя-то? Люди ходят, может, кто чего купит, – продолжая «не замечать», миролюбиво возразила старуха, уставившись на меня синими, не по-стариковски ясными глазами и продолжая улыбаться. – Гляди, какая! Отборная! – большая и когда-то, наверное, сильная рука с коричневой кожей и грязными обломанными ногтями зачерпнула из такого же не слишком чистого пластикового ведёрка литра на четыре товар – действительно крупную и спелую клубнику, в которой то тут, то там попадались то листва, то недозревшие ягоды на соцветьях, а то и небольшие комья чернозёма.

Я, несмотря на злость и непроходящую боль, всё же, скорее машинально, спросила:

– Сколько просишь?

– За кило – полторы сотни, всё ведёрко за пятисотку отдам, хотя там четыре кило помещается, я мерила, – с неповторимым достоинством, не оставлявшим места надежде на торг, просветили меня.

– Ого! – вырвалось у меня. Цены на клубнику в это время года были мне неизвестны – свекровь в сезон бесплатно и вдоволь кормила собственноручно выращенной ягодой моего сына и своего внука, а сама я давно считала, что и без отборной клубники как-то проживу, а уж мелочовки побаловаться та же свекровь всяко подкинет в урожайный год. А вот сто пятьдесят рублей – это была цена одной поездки на такси до моего дома, которая могла бы значительно сэкономить моё время.

– Чего – «ого»? – погасила улыбку старуха. – Витамины же, покупай, пока свежая! – повелительно добавила она. – Денег, небось, нет? – синие глаза её насмешливо сузились, лицо снова расплылось, да вот только улыбка теперь была не зазывная, а какая-то... акулья, что ли: всё с тобой, мол, ясно, нищевродье.

– Нет! Просто не хочу, – буркнула я, отворачиваясь и делая первый шаг в направлении прочь от зловредной торгашки. Терпеть не могу таких вот «догадливых», а от пожилой женщины так просто не ожидала ничего подобного. И как она только умудряется здесь торговать с таким отношением к людям?

– Давай хоть погодаю тебе, что ли, – бросили мне вслед. – Забесплатно, не боись!

Зло выдохнув, я обернулась, теперь уже с конкретным намерением послать бабку, не смотря на то, что она бабка. Та всё так же, но теперь словно бы приосанившись, сидела на облюбованной загородке, в левой руке уже держа колоду старинных, ветхих и замызганных карт (и когда, откуда достать-то успела?), а правой лениво её тасуя. Совершая явно знакомые и многократно отработанные действия, пальцы выглядели тоньше и изящнее, чем в момент зачёрпывания из ведра ягоды, и не знаю, почему, но почти произнесённые гневные слова вдруг застряли у меня в горле.

– Ты у меня какая дама? – старуха ловко, не глядя, переполовинила колоду, бросила беглый взгляд на открывшееся, кивнула сама себе. – Ну так и есть: трэфовая.

– Какая? – отмерла я. Гаданий, тем более, карточных, как и всякая женщина, я была не чужда, а в молодости так вообще увлекалась, и слышала такое слово. Но... так сейчас эту масть вроде не называют?

– Крестовая, по-вашему, – пояснила старуха, окончательно выпрямив сгорбленную спину. А я... я зачем-то шагнула обратно и снова встала прямо напротив неё.

– Какая ж я крестовая? – едва внятно произнесли мои губы. – Крестовой надо быть либо черноглазой и темноволосой, либо чтоб хорошо за сорок перевалило...

– Много ты понимаешь, – веско перебили меня, и голос был уже далеко не сладенько-зазывным и шамкающим: он был низким, глубоким, манящим... обволакивающим. – Ни при чём тут ни годы, ни глаза!

– А что при чём? – пролепетала я, неотрывно глядя на... женщину?

Та отвела взгляд, молча тасуя колоду.

– Дама бубён – жена и мать: такая как одному отдана, так и век верна, – начала объяснять она, являя мне нужную карту. – Червовая – вольная птица: она сама себе судьбу ищет, а как находит – так уж не упустит, и любить станет только того, кто её любовью одарил. – Гадалка едва слышно вздохнула. – Пиковая... – она хмыкнула. – Той никто не нужен, хоть и захоти она – любого бы взяла, да одной ей лучше: попользуется мужиком – и выкинет... – повисла пауза, а моя гадалка замерла с мечтательно-самодовольной ухмылкой на лице.

– А трэфовая? – не выдержав, поторопила я.

Бабка, словно очнувшись, уставилась на меня.

– А трэфовая всю жисть между ёбаных: и мужики кругом, и мужика нет – вот так! – зло, с каким-то непонятым для меня негодованием припечатала она, и голос снова стал старческим – визгливым и дребезжащим. А я вдруг разозлилась: ну нихрена ж себе заявление! Даже фыркнула от злости. А муж мой, с коим пятнадцать лет живу в законном браке – это как? Недоразумение?!

– Ну так чего? Гадать, али всё ж ягодки завесить? – словно издеваясь, начала бабка. – Можя, вообще заклатье трэфовое с тебя снять, а? Я могу, но то не меньше тыщщи стоит, а в твоём случае – и все полторы! – она поднялась с заборчика, выпрямилась и... оказалась выше меня. Не то, что бы я уродилась такой уж дылды, но... бабуля ведь минуту назад выглядела согбенной и от этого маленькой! – Давай сыму заклатье, а то сама ж пожалеешь вскорости, слезьми умоешься! – прозвучало тем временем пророчески.

Я понуро опустила голову.

– Не верю.

– Ну и дура! – скрипуче рявкнуло в ответ. – Об тебе ж хлопочу!

– О себе хлопочите! – вырвалось у меня.

– Будешь быть аки волчиха – ишшо вспомнишь меня! – бабка угрожающе нависла надо мной, грозя пальцем.

И тут, не смотря на свою природную скромность, я не выдержала.

– Да пошли Вы! – выплюнула я прямо ей в лицо, а затем развернулась и ушла – на этот раз, без оглядки, но с твёрдым намерением лично взять поганую метлу и разогнать противную старуху, коли ещё хоть раз увижу её возле магазина! Вот только сделать это прямо сейчас мне отчего-то опять не хватило окаянства...

Но и перестать думать о зловредной бабке я никак не могла: ни усталость не помогла, ни неблизкая дорога до дома, ни нескончаемые домашние заботы, – всё из головы не шло этакое её бестактное поведение! Это забивало все мысли, мешало совершать привычные действия, а позже, когда я добралась таки до постели – долго не давало уснуть, стучась в мозг давно известной аксиомой: видать, на лбу у меня написано, кто я, и что у меня не так, раз любая старая дура с первого взгляда это видит.

Поворочавшись с полчаса в кровати, я со вздохом поднялась, нашарила в темноте ночник и и включила его. Только одно могло теперь помочь: чтение любимой книги – той самой, больше года бессменно живущей прямо у меня под кроватью, уже довольно затёртой от частого пребывания в руках, с тремя изображёнными на обложке героями, что давно стали как родные – особенно один, высокий, светлый, и, казалось бы, так не по-мужски длинноволосый... Вот и опять пришло время на ощупь найти знакомый томик, положить перед собой и... открыть на первой попавшейся странице.

...Когда я наконец отложила книгу и закрыла глаза, время, кажется, перевалило за полночь – давно пора было спать. Да и не читала я толком, так, просто «втыкала» – раз десять уже, наверное, провалилась в объятия Морфея, но всё ещё продолжала мужественно с ним сражаться – ведь интересная же книга, хочется же ещё почитать!.. Но всё же, бережно отправив синенькую, уже изрядно потёртую книжечку обратно под кровать, я дотянулась до ночника, нажала на кнопку, и комната погрузилась в темноту... Я почти заснула, но вспомнила, что надо перед сном уточнить, заведён ли на завтра будильник, взяла свой телефон... Однако, что именно я увидела на его дисплее, изгладилось из моей памяти подчистую: наверное, всё же отправилась в мир грёз раньше. Просто уснула и, как все люди на свете, понятия не имела, что за новый день уже спешит мне навстречу.

Глава 1

2011 год, июнь

В то утро, когда глаза мои открылись, солнце сияло уже вовсю. И чувствовала я себя подозрительно бодрой... А в следующую секунду поняла и причину этого!

С криком:

– Твою мать! – я словно на пружине выскочила из постели и заметалась по дому, пытаюсь собрать себя воедино.

Так, телефон в сумку, зарядку тоже. Заглянуть в кошелёк – денег мало, ну и ладно, сегодня зарплату обещали, дотяну. Быстро в душ, слегка ополоснуться: голову помыть времени не хватит, ну да ничего, переживу: не до того сегодня. Мне сутки предстоит провести на ногах: работать весь день за себя, потом ночь за коллегу, и главное тут – раньше времени не рухнуть, остальное второстепенно.

Зато завтра весь день буду балдеть! Сначала выплюсь, потом пойду к Галке: пива выпьем, поболтаем, а там, глядишь, веселье пойдёт, а поработает и за меня, и за себя всё та же коллега... Но это только завтра, а сейчас нужно срочно выходить и искать транспорт, чтобы непременно до этой самой работы добраться. И так как время – восьмой час, то и все соседи, которые могли бы меня подвезти, благополучно уехали, и надежда остаётся только на попутку. А учитывая, что сегодня среда, самый обычный рабочий день, то будем считать, что надежды нет совсем.

Минуточку! Надежда есть всегда!

– Надька! – раздался знакомый голос. Кто-то звал меня дурным голосом, словно в лесу или в слишком уж большом помещении, и отвечать не хотелось от слова совсем. Но окрик разумеется повторился.

– Надька!

– Да чего тебе? – неласково бросила я наконец, выходя из душа и заворачиваясь на ходу в полотенце.

– Слышь, Надюх! Дай сто рублей, а? – заглядывая с веранды в занавешенный тюлем дверной проём, заныл мой брат Серёга.

Я брезгливо оглядела его и покачала головой. Красавец, да и только, в обычном своём утреннем состоянии – с большо-о-ого бодуна, весь помятый, небритый, источающий перегар... Одно слово – алкаш.

– Это с какого перепугу? – спросила я как можно безразличнее.

– Поправиться надо: у меня башка болит, – привёл он свой неубиваемый аргумент, при этом театрально приложив ладонь ко лбу.

– Надо же! И с чего бы это? – съязвила я, проходя мимо него в зал и останавливаясь перед зеркалом.

– Ну, перебрал вчерась маленько, – признался он, заходя и присаживаясь на стул неподалёку от меня, чтобы удобнее было заглядывать в глаза.

– Ага, и позавчерась – тоже. – Я начала расчёсывать волосы.

– Ну На-адь! – опять заныл он.

– Отвали, мне некогда: на работу опаздываю. И вали давай отсюда, мне одеваться пора! – велела я как можно строже и не отвлекаясь от своего занятия ни на секунду, но при этом чувствуя, что если он не отцепится сейчас, то... могу и сдаться. Как это чаще всего и бывает.

Серёга со вздохом великомученика поднялся и уныло пошёл к двери.

– Дай хоть полтинник. Будь человеком, – обронил он уже почти выйдя из дому.

– Нет, – произнесла я снова, стараясь на него не смотреть. Чёрт, вот если сейчас не уйдёт, скажет ещё хоть слово... Только бы не почуял моё настроение, только бы свалил побыстрее!..

– Злая ты, – подвёл тем временем Серёга свой итог и шмыгнул носом. – Видела б мать, какая ты стала... злая! Вот сдохну...

И меня как всегда обуяла жалость к «умирающему» вкупе с угрызениями совести. Ненавидя себя за эту слабость, я отшвырнула расчёску и полезла-таки в сумку.

– На, задавись!.. Только отвали уже! – выудив последний полтинник, я протянула его брату.

– Спасибо! – просиял счастливый Серёга и тут же, почти мгновенно оказавшись рядом, схватил заветную купюру и, картинно поцеловав мне руку, с невероятной для своего состояния прытью, исчез за дверью.

Я покачала ему вслед головой: добился-таки своего, гад! Есть теперь на что залить с утра глаза... И как же ты надоел мне! А ведь сдохнешь взаправду – и плакать буду...

Эх, одно расстройство, короче.

Снова заколыхался тюль.

– Мам! – позвал меня сын Саша, заходя в дом.

На душе было премерзко после общения с Серёгой и от проявленной слабости, позитив, которого в нынешнее утро и так было маловато, покинул окончательно, но мальчик был в этом не виноват, и я сделала глубокий вдох, беря себя в руки.

– Да, дорогой, – отозвалась я как можно спокойнее, стараясь не смотреть на него, чтобы не увидел вскипевшие в уголках моих глаз злые слёзы и при этом продолжая приводить себя в порядок.

– А где мои чёрные джинсы? – прозвучал неожиданный вопрос.

– А я откуда знаю? – тоже вопросом ответила я, скрываясь в соседней комнате. Где они, эти джинсы? Почему сие опять должно быть известно именно мне?

Так или иначе, пора было одеваться, и то что Сашка в комнату не войдёт, пока не скажу, я точно знала... Однако, натягивая на своё далеко не истощённое тело севшие после стирки вещи, думала я теперь именно о злосчастных штанах сына.

– А зачем они тебе сейчас? – спросила я, так и не найдя ответа.

– Сейчас – ни зачем, а вечером я на дискотеку собираюсь, – сообщили мне и добавили: – Надо бы постирать...

– Ну, а я-то здесь причём? – Пуговица на моих собственных штанах застёгиваться никак не желала!

– А я стиралку включать не умею, – сообщил сын. – Хотел тебя попросить, пока ты не ушла.

Я фыркнула.

– Мне некогда, ждать не буду.

Выдох, усилие и – ура: пуговица покорилась! Теперь главное – глубоко не дышать, резко не нагибаться, не садиться, ну и вообще, поменьше движения.

– Ну, а как же мне бы-ы-ить? – протянул сын.

– Не знаю. Или ищи быстро, или стирай потом руками, – посоветовала я, выходя из комнаты полностью готовая, – то есть, по летнему времени – в коротких джинсовых бриджах и бирюзовой футболке.

– «Руками!» – недовольно буркнул Сашка, изображая меня.

– Да, именно руками, – подтвердила я, ища глазами как всегда исчезнувшую в неизвестном направлении сумку. Странно, вот только что же была здесь, когда я этому козлу деньги давала! Вот куда я её со злости так засунула, что найти теперь не могу?

– Ладно, – отмахнулся сын. Видно было, что он недоволен моим безучастным подходом к такому важному для него делу, но выразить это каким-либо образом не смеет. – А есть мы что будем? – задал он напоследок такой каверзный для меня вопрос.

Моя небольшая и традиционно чёрная сумочка с длинным тонким ремнём, чтобы удобно было вешать её на плечо, тем временем обнаружилась на ручке двери моей комнаты, – что ж, не самое плохое место.

– Яичницу пока себе сообрази. На обед окрошка есть. Картошки сварить можешь. Хлеба полбуханки ещё осталось... А там придёт отец, может, что принесёт... – ответила я сыну уже с порога.

– Пф, – фыркнул Сашка: он-то прекрасно знал, что этот, который наш папочка никогда ничего не приносит домой: он у нас принципиально не ходит в продуктовые магазины, умело прикрываясь тем, что не умеет считать и боится, что злые тётки-продавцы, хапуги и воровки, его непременно обманут. На самом же деле, ему просто денег жалко: он на свои три копейки молится! – Я колбасы хочу! – заявил мальчик, выходя следом за мной.

– Я тоже, – вздохнула я. – Но до завтрашнего утра буду только кофеем без никто давиться, так что тебе ещё повезло, зайчик мой. – я поцеловала, слегка привстав на цыпочки, подошедшего ко мне, но всё равно недовольно дёрнувшегося голубоглазого Сашку, легонько щёлкнула его по носу, подмигнула и стала обуваться.

– Ты когда вернёшься? – спросил он жалобно, всё ещё лелея надежду свалить поиски и стирку своих джинсов на меня.

– Завтра утром, часов в одиннадцать или чуть позже, – я натянула балетки, поправила ремень сумки на левом плече, мгновение подумала, не забыла ли чего... Сашка вздохнул, видимо, смирившись со своей участью. – А ты чего так рано встал-то, не пойму? – задала я запоздалый вопрос.

– Ну ты ж сама говорила, чтоб я кур по утрам кормил, всё равно ведь нифига не делаю, – услышала я в ответ. Оглядела его: ну прямо ангел, только нимба не хватает!

– А ты их кормить прямо в своём любимом прикиде ходишь? – не удержавшись, подколола я.

Сашка вспыхнул, глаза у него забегали: вот и прокололся на мелочи, великий! Изобразить, что рано встал и самоотверженно принялся за хозяйственные хлопоты не вышло: для этого следовало переодеться. Но не додумался или, может быть, не успел, и хитрая мама теперь в курсе, что не рано встал, а вовсе не ложился и вообще, только что явился.

Было видно, что он судорожно ищет, что бы ответить, но мне было некогда, да и неохота сейчас выяснять подобные вещи, и я просто без обиняков, хотя и слегка назидательно, произнесла:

– Ну, раз ты взрослый стал и по-взрослому гуляешь, то и по-взрослому поработать придётся.

– В смысле?

– Ты мне обещал в доме прибраться ещё на той неделе. Думаю, нынче как раз тот день, когда это сделать таки пора.

– Но... мама!

– Иначе все дискотеки и иже с ними могут внезапно и на неопределённое время отмениться.

И, оставив сына возмущаться по поводу моего такого бессердечного отношения к его персоне, а может, по поводу собственной неадаптивности, я направилась к воротам.

Эх... совсем вырос мой сынуля! И когда только успел? Гуляет – и пусть, только б голову себе не сломал.

Уже пару минут спустя я бодро шла по освещённой солнцем асфальтовой дороге по направлению к своей работе, или вернее будет сказать, – в направлении соседнего с нашим посёлка, где последние пару лет трудилась в продуктовом магазине. Да уж, то, что я проспала – это плохо. Сама, конечно, виновата: будильник надо было заранее заводить, но тут ничего уже не поделаешь, дело прошлое. А вот если меня никто сейчас не подвезёт, то это истинный триндец. Хозяйка магазина и так давно точит на меня зуб за периодические опоздания и теперь непременно воспользуется поводом вынести мне мозг: ведь, как известно, удалённость места проживания от места работы, а так же транспортные проблемы служащих работодателя не волнуют, и, что бы там у меня ни произошло, являться на работу я обязана вовремя.

Эх, бедная Наденька... Сейчас вот огребу люлей по полной программе! Но перед этим ещё и прогуляюсь километров на семь... И денег у меня нет... И даже чаю не попила! Печалька моя жизнь, да и только.

Да ладно уж, будем надеяться на лучшее! Может быть, вот прямо сейчас, из-за уже оставшегося позади поворота, который делает дорога напротив моего дома, вырулит крутая тачка... не, ну, не самая крутая и лучше уж знакомая, но непременно вырулит, подъедет ко мне, остановится, быстро довезёт до конечки общественного транспорта, потом я проеду ещё две остановки на автобусе, и останется только совсем немного пройти, метров сто – и всё, я на месте...

Да, мечты-мечты. Знаю ведь давно, что в простые дни здесь глухо: соседи давно разъехались, на турбазах, коих в округе у нас немало, народ спит до обеда, да и не так много его, если на дворе не выходные, а значит, рассчитывать на случайную попутку именно здесь и сейчас нет смысла. В лучшем случае мне повезёт километра этак через три, когда дойду до вон того поворота, где начинается более оживлённый участок, и то не факт... Опоздаю, в общем, я сегодня как пить дать.

Да ладно, не умру же я от этого! Не в первый раз.

Конечно, всё это мне жутко надоело, но что поделаешь? Там, где я живу, не ездят автобусы, да и посёлок наш всего-то на десять дворов, бывший кордон лесника, – кому мы нужны? Нет у нас ни магазина, ни... Ничего у нас нет. Дозвониться нам и от нас – и то проблема: мобильная связь почти отсутствует, особенно в ненастье, и на весь посёлок нет ни одного стационарного телефона. Так вот и живём.

Но отсутствие связи и транспорта – это ещё полбеды! Хуже всего то, что борюсь со всеми жизненными перипетиями я буквально одна, и так было всегда. И вроде муж у меня есть, да дома он редко бывает, в городе работает, то там, то тут, и постоянно его нет – куда только вот деньги деваает, зараза? Вечно у него их нет – как и машины, сил и желания помочь мне по хозяйству, времени со мной поговорить и многого, многого другого.

И, наверное, благодаря этому, вся моя жизнь – это сплошное «нет». Но я не жалуюсь... Я так живу уже очень много лет и вполне привыкла. Мне даже нравится то, что у нас тихо, воодушевляет красота природы: вокруг нас сплошные леса, а теперь и поля, жилья, а, соответственно и людей, почти нет. Зимой, правда, немного трудно, – отопление всё же печное, отнимающее много сил, да и до работы как зря не доедешь, но... Но ведь сейчас же не зима! А значит, время мне всё же радоваться, а не горевать.

Я улыбнулась и зашагала веселее, ещё и песенку запела: ля-ля-ля! Солнышко светит, птички поют, вокруг – красота неопиcуемая: зелёные поля в ярких брызгах незатейливых, но милых цветов, окаймлённые с трёх сторон тёмной бровкой соснового бора (как же быстро зарос горельник!), все мои близкие живы-здоровы, а завтра выходной! И пока никого нет поблизости, можно заняться тем, что больше всего на свете люблю: помечта-а-ть!.. О чём? Лучше – о ком. О героине любимой книжки, которая попала мне в руки в прошлом году, сразу после больших пожаров¹, в которых чуть не сгорел наш маленький посёлок.

Так вот, примерно год назад, а конкретно, в августе десятого года, попалась мне в руки так в итоге полюбившаяся книга. Прочла я её тогда на одном дыхании и с тех пор с ней почти не расстаюсь: читаю на ночь, читаю, когда отдыхаю днём, беру с собой на речку – каждую свободную минуту она у меня в руках. Прямо с ума от неё схожу! Могу наизусть уже цитировать, но всё равно – постоянно перечитываю.

А что примечательнее всего в этой книге? Правильно, главный герой, красавец-мужчина, сильный, умный, классный, во всех отношениях идеальный – прямо-таки ожившая мечта! – хотя и предстаёт он изначально в несколько заколдованном виде... но не суть. Героиня влюбляется в него пусть и не с первого взгляда, и пусть выглядит это весьма завуалировано, но... этак там всё окончательно и бесповоротно! Ну и сюжет, разумеется, не подводит своих наивно-мечтательных читательниц: по окончании злоключений герои воссоединяются и... наверное, живут долго и счастливо, – точно не скажу, финал открытый.

И вот, хотите верьте, хотите нет, а я в свои солидные тридцать пять лет прямо-таки зачиталась и замечталась. Нет, понятно, что мне-то в моей жизни вряд ли стоит ждать перемен, а уж тем более – принца на смену своему... «зае», но вот откуда у меня взялось такое желание романтики и настройка на неё? Идиотизм какой-то, стыдно даже! Хорошо хоть, что знаю об этом только я, иначе засмеяли бы меня.

– Эх, Надька, Надька, – тихо вздохнула я, обращаясь сама к себе. – Стыдоба!

...Внезапная вибрация в сумке отвлекла от этаких крамольных дум – мне звонили. После пары минут напряжённых поисков, я извлекла-таки свой телефон, неизвестно как затерявшийся в таком крошечном пространстве, и приняла вызов.

– Алло, Надь, – услышала я голос мужа, – ты где, на работе?

– Ещё нет, а что?

– Кинь мне денег на счёт, а? – как обычно, заныл он.

– А сам что, не можешь? – как можно спокойнее поинтересовалась я. – Ты же в городе, вроде...

– Уже нет.

– А где же ты?

– Да я к маме сегодня зашёл. Мы чай пьём.

Я выдохнула со злостью, но пока почти бесшумно: «к маме сегодня зашёл»! Как вчера, позавчера и все предыдущие пятнадцать лет нашей долбаной совместной жизни!.. Ну что ж дай Бог, как говорится, приятного аппетита. Гонять чаи они с маменькой мастера: весь день могут за столом просидеть. Файф-о-клок, блин! И если свекровь-то по сути своей большая трудяга, то сынуля её – лентяй, каких мало: целый день просидеть у ящика, проваляться на диване с книжкой или банально продрыхнуть – это для него норма. Денег вот только всё не прибавляется, ни на телефоне, ни вообще хоть где-нибудь.

– А по дороге сам положить не мог? – спросила я, всё же стараясь не показать, как задрала меня вся эта хрень и не начать орать, ибо заорать очень даже хотелось.

– Да у меня денег только на проезд, на послезавтра... Кстати, ты когда там назад? Хлеба домой купи и пожрать чего-нибудь.

Я снова выдохнула, приказывая себе успокоиться. На мои проблемы всем плевать, и я давно это знаю, но вот скандалить с мужем – это значит сейчас просто испортить себе настроение. И потому, подавив гнев, я ответила:

– Да, зай, всё куплю. Денег кину. – Помолчала и добавила: – Только завтра, когда зарплату получу. Подождёшь? – и, не дожидаясь ответной реплики, отсоединилась.

Затем я глубоко вздохнула... И зачем только это всё было? Ведь всё равно же, так или иначе, сделаю в итоге как он просит... Всегда так было. Я ж сильная, мне всё положено мочь и уметь, у меня всегда есть деньги и время всех обслужить, особенно «любимого» супруга.

Как же надоел он мне за столько лет: хуже горькой редьки! Не раз я порывалась с ним разбежаться, да вот только никак это не выходит, вечно мешает то одно, то другое... Думаю, хоть бы он бабу себе, что ли, нашёл и сам меня бросил, да нет же, сука, верный как... Короче, маяться мне с ним, похоже, до самой своей смерти.

Убрав мобильник обратно в сумку, я зашагала дальше, да только вот мечтать у меня теперь что-то больше не получалось: неземной и распрекрасный придуманный образ затмевали мои мужики, коих было у меня четверо. Вру, с соседом – уже пятеро.

Итак, как, наверное, уже понятно, есть у меня младший брат, вышеупомянутый Серёжа, мудака тридцати лет, у которого на уме давным-давно одна только беспробудная пьянка.

Вообще, он рос вполне нормальным парнем: хорошо учился, руки у него изначально откуда положено росли, и, что примечательно, ладили мы с ним когда-то даже лучше, чем с сестрой... Но это уже успело стать далёким, полузабытым прошлым, потому что, буквально сразу по возвращении из армии, ударился Серёга в разгул и начал часто и здорово выпивать со всеми вытекающими. Единственным человеком, которого Серёга хоть немного слушался, была мама: где ласковым словом, где строгим, но как-то удавалось ей порой до него достучаться. А вот после её смерти настал полный аут: ни разу с тех пор я не видела брата хотя бы не с похмелья. Мне даже кажется иногда, что как напился он тогда на поминках, так и не отошёл по сей день, – да по сути, так оно и есть...

Ясное дело, ни на одной работе, коих сменил с тех пор великое множество, долго он не задерживается, – кому такой нужен? – а потому деньги на свои возлияния братец кланчит в основном у меня либо колымит где-нибудь и всё равно пропивает. На свои предложения о кодировке я слышу от него только одно: «Я не алкаш, мне этого не нужно, захочу – сам брошу». Вот и поговори с таким!

Второй персонаж мужского пола, удобно устроившийся на моей шее – это, конечно, мужёнок Вася, – даже не верится мне теперь, что когда-то я выходила за него по любви. Что сказать? Живём мы с ним в те краткие мгновенья, когда он соизволивает объявиться дома, как кошка с собакой. А основные характеристики его – это скупость, жопорукость, потрясающая лень, занудство и склонность к самоустранению в критические моменты жизни. За все годы, что мы женаты, не напрягся он для семьи больше положенного ни разу, проще говоря, работать его никогда не тянуло, – как можно, у него же высшее образование! Замечу вот только, что пожрать Василий большо-о-ой мастер: тем количеством пищи, которое он употребляет за раз, свободно можно прокормить троих, да и выбирает он что повкуснее. А если уж находит он недостойную (ибо достойной-то на блюдечке никто не подал!) работу, так только такую, чтоб там ничего и делать было не нужно, типа нынешней охраны, и пофиг что платят там медные гроши, и вообще, на всё пофиг, лишь бы только поменьше париться и спокойно жить.

Скандалила я с ним одно время жёстко, да не добила ровным счётом ничего, кроме вялых обещаний, и потому в последние лет семь махнула рукой и решила не портить себе нервы. Ленивого не заебёшь, как гласит народная мудрость. Порой только призадумаясь: а нахрена он мне вообще? Я ведь всё сама могу! Муж мой абсолютно никакой как хозяин, как мужчина и как отец... Подумаю – и дальше живу, продолжаю терпеть по привычке.

А ещё есть у меня папа, Аристарх Владиленович, всю жизнь яростно ратовавший за коммунистов, а недавно вдруг свято уверовавший в Бога, при этом не перестав быть ни лентяем, ни куркулём и нисколько не растеряв под старость отменного аппетита. Мать с ним тридцать лет мучилась, царствие ей небесное, теперь, похоже, моя очередь пришла. Смирилась я и с ним: давно уж стараюсь не спорить, да и вообще пореже разговаривать, и пока сам первый не начнёт – не ругаться. Терплю его из чувства долга: отец всё же родной, но иногда прямо до нутра достаёт нравоучениями, словно я дитя неразумное. А вот чтоб с пенсии хоть копеечку подкинул – не дождёшься никогда, но и чтоб трапезу хоть раз пропустил – тоже.

Сынок мой, Саша – это конечно, другое дело: его я очень люблю. К тому же, кормить и растить ребёнка я действительно обязана, но тут возникает другая проблема: он же уже весь такой взрослый! Аж четырнадцать лет! При этом помогает по хозяйству он неплохо: и дров уже способен наколоть, и за курами в моё отсутствие присматривает, и в доме прибирает, и в огороде помогает, и поручить поесть приготовить ему порой можно, – это всё не отнимешь. Правда, с включением стиральной машины у мелкого пока проблемы, но сдаётся мне, что это лишь от нежелания её доломать, ибо она у нас пенсионерка. В итоге, сыном я почти довольна, но как обычно, возникает «но» и не одно. Дело в том, что учиться он не желает ни в какую, ну и, соответственно, его постоянно тянет гулять, к друзьям, возможно, и к девкам тоже, и удерживать его дома становится всё труднее, приходится отпускать, а потом порой ждать по полночи и волноваться. Ну, или вот как сегодня уже несколько раз было: загулялся мелкий до утра, и кто знает, с какой периодичностью такое происходит – контролировать-то его частенько некому: сама я на работе, а папа наш вообще неизвестно где, вот и творит сынуля, что хочет. Надо и покарать порой, да банально уже с ним не справляюсь – тут нужна твёрдость, а я слишком добрая, на той неделе вот выдрала ремнём, а потом сама же ревела. Может, хоть трудотерапия каким-то образом поможет делу, да подозреваю, что тоже, наверное, ненадолго.

Вот такая жизнь. Вот такие представители сильного пола окружают меня.

Ну и для полного счастья, чтоб совсем «весело» было, недавно, не далее как месяц назад, случилась у меня новая радость: соседка мой, которого я раньше величала на «вы» и звала Вячеславом Степановичем, предложил мне свою «любовь». И не такие уж у меня жёсткие моральные принципы, чтобы из-за них отказываться от весёлых, ни к чему не обязывающих приключений, но это ж не мужик, а... недоразумение ходячее! Он тощий, как швабра, страшный, как смертный грех и, что хуже всего, интеллектом совсем не блещет, зато убеждён в своей неотразимости и харизме, а так же в том, что благосклонности моей он рано или поздно добьётся. В итоге, припираться ко мне он стал регулярно, и с одной стороны это ржак, а с другой – уже на нервы немного действует. Он прямо как чует (может, и следит – кто знает?), когда у меня никого дома нет, и тогда – тут как тут. Притащится якобы с дружеским визитом доброго соседа – и давай чушь какую-то нести, при этом вокруг меня виться: смотри, мол, какой я хороший-пригожий, ты только дай мне! Самца трясогузки в брачный период он мне напоминает, и всё тут! И отшучиваться уже не помогает: пора его разогнать. Я вот только пока не определилась: самой ему по морде дать, со словами: «Я не такая!» или Ленке, жене его, рассказать, а она уж управится?.. Кстати, своему мужу я уже не раз говорила об амурных притязаниях соседа, но не вызвала никаких эмоций по этому поводу, – впрочем, так у нас было всегда.

В общем, достали меня эти мужики, здорово достали... Как же я хочу отдохнуть от них хотя бы один день. ОДИН! Хочу просто не видеть их: ни этих, ни тех, что каждый день ходят к нам в магазин за «чекушкой», прожить без них день, забыть и вычеркнуть хоть ненадолго из памяти – и тогда я снова буду готова в бой. Снова смогу вкалывать на них от рассвета до заката, кормить, поить, жалеть, терпеть их глупость и лень, и даже где-то любить их. Но, так же как и встреча с моим любимым книжным персонажем на просторах родной страны, это абсолютно невозможно. Это просто ещё одна моя несбыточная мечта.

Я усмехнулась. С тем, что мои мечты никогда не сбываются, я тоже давно смирилась. Но вот перестать мечтать никак не могу: всё ещё надеюсь, что придёт оно, моё счастье... Хотя точно знаю, что никогда оно не придёт.

«Да и хрен с ним», – про себя заключила я, продолжая свой путь.

А солнце между тем поднималось всё выше...

Я успела отойти от посёлка на пару километров, когда услышала долгожданный звук. Обернулась – и невольно повеселела, увидев вдалеке машину, едущую в нужную мне сторону. Однако в ту же минуту меня постигло и жестокое разочарование: если тачка так бле-

стит на солнце своими чёрными, невероятно новыми боками и крышей, если у неё при такой бешеной, судя по всему, скорости, так тихо работает движок, если тот, кто за рулём, вообще позволяет себе так ездить, значит, это очень дорогая машина, а значит, даже пытаться остановить такую не стоит: не остановится. Уж лучше отойти с дороги, а то не собьёт – так ветром сдует. И учитывая то, что место здесь безлюдное, – пешеходов редко когда встретишь, а проезжающие, радуясь пустой и ровной дороге, топят газ в пол и летят, вылупив глаза (сама так делала, когда у меня была машина!), то труп сбитой, несчастной женщины может валяться здесь сколько угодно – ну, или пока мои мужики не проголодаются и не начнут меня искать.

Я сделала пару шагов на обочину и остановилась. Пусть едет, я следом. А то просто жутко как-то делается, ей-богу, от проносящихся мимо таких вот Шумахеров, рогатого гаишника им навстречу!

Машина приближалась. Сейчас, пара секунд, – и пролетит мимо. Скорей бы уже, а то сердце почти в пятках! Аж хочется закрыть глаза... но это уж совсем по-детски будет.

Крутейший чёрный «мерседес», уж не знаю, какой модели, класса или категории, с какими-то «ненашинскими», кажется, белорусскими номерами, настолько огромный и длинный, что показался мне в тот момент длиною с лимузин, внезапно остановился в шаге от меня, да так плавно и мгновенно, что ненароком напрашивалось сказочное «встал передо мной, как лист перед травой». Тонированное стекло легко и беззвучно опустилось вниз. Водитель – светловолосый молодой человек, бросил на меня взгляд поверх солнцезащитных очков. Светлые глаза его смотрели так, как будто видели меня насквозь и словно... оценивали, что ли?.. Не знаю. Но в первый момент у меня возникло желание бежать, – да, бежать без оглядки, прямо через поле, совсем недавно бывшее вырубкой, перепрыгивая через пенки, по высокой траве с хлёсткими стебельками, по распаханному под посадку новых деревьев бороздам, куда угодно, только подальше от этих глаз!

– Садись, подвезу, – предложил он мне, нагледевшись, и это было более чем неожиданно! А тон, которым это было сказано, был таким... полуприказным, что ли?.. Уж не знаю, но замерла я как-то, и вроде бежать расхотелось, но и не ответить, отказаться там, мимо пройти уже не посмела бы, ощутив некое властное давление на себя.

– Куда? – еле сумела я задать глупый вопрос.

– Да тут одна дорога, нам по-любому по пути, – усмехнулся парень и водрузил очки на место.

Я стяхнула напавший на меня ступор. Что это со мной такое, в самом деле? Никогда молодого, симпатичного мужчину на дорогой тачке не видела, что ли? Или уже напрочь отвыкла, что такие бывают, ежедневно общаясь с уродами, похотливыми старпёрами, задротами и колхозным быдлом? Да нет, не отвыкла... Скорее, никогда и не привыкала, давно приняв вышеперечисленную публику как данность и смирившись с её засилием, вот и выдал организм такую неадекватную реакцию.

– Садись! – снова, но уже как-то мягче велел мне светловолосый. – Или собираешься до самой цивилизации топтать? Тут ведь, похоже, мало кто ездит.

– А это удобно? – замаялась я.

– Да садись ты уже! Харе жеманничать! – прозвучало повелительно.

И я, не колеблясь больше, открыла дверцу и заглянула в салон его авто...

Глава 2

На меня пахнуло другим миром да так, что аж голова закружилась. В этом мире были удобные мягкие сиденья, кондиционированный воздух, запах супердорогого мужского одеколона, с которым разрекламированные и набившие оскомину «олд спайсы», «аксы» да «шаманы» и рядом не стояли, тихая приятная мелодия... То, что было от меня настолько далеко, словно находилось на другой планете, в миллионах световых лет от моей самой обычной и серой жизни.

Я осторожно уселась на пассажирское сидение, несмело и не сразу откинулась на спинку, закрыла дверь и снова как-то замерла, слегка ослеплённая увиденным... Как хорошо, что я перед выходом из дома по привычке, даже не замечая этого уже, нацепила солнечные очки как ободок, и теперь было что сдвинуть на глаза и прикрыть их, иначе стало бы стыдно, – они, похоже, из орбит повылазили. Да уж и немудрено тут обалдеть: шик, блеск и роскошь в чистом виде! Я такое только в кино видела. Уровень жизни моих знакомых, в том числе и хахалей, коих, к слову, у меня уже лет пять как не было, до подобных высот не дотягивался даже и близко. О своём уровне жизни я просто молчу!

То, что автомобиль стартовал с места, подобно гоночному или даже сорвался, как стрела с тетивы, я поняла лишь по тому, как быстро замелькали за окном придорожные кусты и оставшиеся после пожара обгорелые пеньки, как понеслись по небу редкие облака! А вот ощущений не было буквально никаких: не трясло, не вжимало в кресло, не подбрасывало на ухабах. Самым же интересным и примечательным было то, что на повороте, когда меня начало по инерции уводить в сторону, кресло само по себе слегка, еле заметно повернулось и поддержало моё брэнное тело. Сказать, что это было удобно – значит ничего не сказать!

Я украдкой взглянула на спидометр и охренела: сто пятьдесят! Сто пятьдесят!!! Когда я была водителем, то еле тащилась здесь со скоростью сорок, а то и тридцать километров в час, а тут... Интересно, выделяется парень или всегда так ездит? Не моё, в общем-то дело, буду помалкивать, но тут же колдобина на колдобине!.. Но раз не жалко ему собственную машину – пусть выделяется дальше, да к тому же, если ему хоть что-то сказать сейчас, он же всё равно не послушает.

Вздохнув, я улыбнулась своим мыслям. Ну, а как тут может быть иначе? Это ж явный мажор, а такие острых ощущений всегда ищут, и мне их понять даже пытаться не стоит, хотя... этот, пожалуй, из лучших, раз вот так запросто посадил в крутую и, наверное, обожаемую тачку чужую случайную тётку чтобы просто её подвезти. Видно, в душе есть что-то человеческое, а не только желание брать от жизни всё и ничего никому не давать взамен. А может, он просто выглядит так молодо, а на самом деле старше и уже кое-чего в жизни повидал и успел понять?..

Отчего-то захотелось рассмотреть парня и понять всё же, сколько же ему лет. Я украдкой, не поворачивая головы скосила взгляд влево и успела увидеть, что светловолосый тоже, хотя и через тёмные зеркальные стёкла на миг взглянул в мою сторону – правда, тут же и отвернулся, сосредоточив внимание на дороге. Одновременно он слегка приосанился и еле заметно поджал губы.

Сразу всё стало понятно. Похоже таки достаточно молод – видно по задранному выше носа подбородку. Этот парень страшно гордится собой и всем, что имеет, и гордится, похоже, ненасправно: определённо, за таким его эталонным лоском есть кто-то типа очень богатого «папы», но и сам он кое-чего уже стоит – однозначно, иначе б совсем по-другому, намного развязнее себя вёл. Но то, что это таки мажор, никак не отменяется – он самый, хотя и достаточно повзрослевший уже.

Мне приходилось, и не раз, встречать людей, подобных и этому, и его предполагаемому папе – вернее, не встречать, а просто видеть, как правило, через прилавок. Такие иногда,

нечасто заходят в любой продуктовый магазин, рассчитанный на не слишком обеспеченного покупателя, в том числе и в нашем сельском такие периодически появляются. Их ни с кем не перепутаешь: нет в них ничего кричащего или кичливого, но благосостояние, как правило, крупно написано на лбу. Они неброско и явно дорого и стильно одеты, носят дорогие часы, – вот такие же, как у этого, стоимостью в стратегический бомбардировщик, – немногословны, вежливы, продуктов берут много – из самых дорогих, интересуются, нельзя ли расплатиться картой, а узнав, что нет, извлекают из крутейшего кожаного портмоне одну крупную купюру и не заботятся о сдаче, порой вообще её не забирая и вызывая тем самым огромную, граничащую со щенячьим восторгом радость продавщиц. Понятное дело, что как только подобный персонаж покидает сельпо, тут же начинается обсуждение одного, да такое оживлённое, что последнему полагается икать до вечера.

Однако, стоит присмотреться повнимательнее и... всё становится намного прозаичнее. При ближайшем рассмотрении выясняется главное: такие персонажи презирают простой народ, и презрение это сквозит в каждом их движении и слове. Если буквально, то они попросту не желают тратить слова на разговор с какой-то обслугой, а оставление сдачи завязано на обычной брезгливости. Жаль, что рабочий класс, не понаслышке знакомый с безденежьем и сведением концов с концами, не видит и не желает видеть реального положения вещей, а если попытаться открыть обывателям глаза, тебя в лучшем случае не станут слушать, в худшем – нахрен пошлют, заявив, что всё ты выдумываешь.

Но это далеко не голая теория, ибо в поведении подобных людей всё кардинально меняется, когда они заявляются в сельпо в хорошенько так поддатом или обкуренном состоянии. О, обычному рабочему классу в том же состоянии далеко до обеспеченных, облечённых властью, а тем более, далеко до мажоров, – эти не просто куролесят или матерятся! Тут можно ожидать абсолютно чего угодно, вплоть до погрома, стрельбы по витринам и вызова бесполезных в данной ситуации ментов. Правда, и купюры порой прилетают нехилые, многократно перекрывающие ущерб. Бывали случаи, когда мои коллеги и с нынешней работы, и с прежних уезжали с разгулявшимися парняками покататься, надеясь весело, круто и бесплатно провести время, но практика показывала, что при таком раскладе можно с равной вероятностью вернуться и с дорогим подарком типа шубы или золотого кольца, и с бланшем под глазом, и с багажом весьма неприятных воспоминаний. Знаю я об этом, разумеется, не только из рассказов, а посему давно и навсегда с этим делом завязала, – задолго до того, как утратила товарный вид. Конечно, хочется иногда немного и поразвлечься, но... плохо оно заканчивается, вот плохо и всё тут. Максимум, что я могу теперь себе позволить – это предаться воспоминаниям или же послушать чужие сказки, щедро сдобренные неуёмной фантазией рассказчика.

А вот интересно, что же случится с моими коллегами, когда я сегодня красочно, в деталях, половину из которых придумаю, расскажу им, на какой машине меня подвезли?! Завидухи мне однозначно обеспечены!

Хотя... в данном конкретном случае, дело не только в машине и благосостоянии подвёзшего как таковом. Хм... Парень-то ничего себе такой, если на вид, определённо в моём вкусе: безупречная осанка, гордый профиль, брови вразлёт, выступающие скулы, гладковыбритый волевой подбородок, пусть и с небольшим, давнишним шрамом... Даже волосы, что едва ли не достигают лопаток, не вредят делу, хотя, как бы, длинноволосые мужчины – это не моё. Зато цвета они очень интересного: невероятно светлые, практически белые и при этом – явно натуральные. С фигурой тоже полный порядок, хотя... я б его откормила бы всё же слегка.

Эххх... Десять лет и двадцать килограммов назад я б жива не была, а с таким brutальным красавчиком поближе непременно познакомилась, но сейчас-то и мечтать нечего, хотя и не вредно, и не запрещено...

Однако погрузиться в мечты мне снова не удалось: в машине что-то громко и настойчиво пиликало, возвращая к реальности. Я довольно быстро догадалась, что нужно пристегнуться

и потянулась к ремню безопасности, долго тупила, пытаюсь понять, что тут к чему, в итоге кое-как справилась, но противный звук почему-то так и не прекратился. Я снова, уже не таясь, повернулась к водителю.

– Забей, – только и сказал он, на миг снова повернув голову в мою сторону и заметив мои потуги. Тут уж я увидела, что сам-то он ни разу не пристёгнутый. Вот в чём дело!

– Там впереди, у лагерей, бывает, что менты стоят, мало ли... – промямлила я, считая своим долгом предупредить его, но при этом испытывая чувство стыда за свои недавние мысли. Хорошо хоть, на лбу эти мысли не написаны!

– Да и пошли они, – на миг снова удостоив меня взгляда и едва заметно ухмыльнувшись, буркнул парень. Менты его явно интересовали мало: думал он о чём-то совершенно другом.

Я подавила вздох.

Гаишники... Доблестные инспектора ДПС! Сколько они крови мне в своё время попортили. Словно чуяли, гады, что я их боюсь, порой небеспричинно: было дело несколько раз, чего греха таить... И до сих пор как вижу их машину, беленькую с синим или жилеточки салатовые, так в дрожь и бросает! Но таким как этот парень, понятное дело, переживать не о чем: у него же, небось, папа...

Да ладно! Не завидуй, Надюха, зависть – плохое чувство!

...До «большой земли», как мы с односельчанами иногда в шутку называем посёлок Сомово, ближайшее место, где есть магазины и общественный транспорт, сегодня я словно не доехала, а долетела. Вот впереди уже показалась конечная остановка автобусов, и пора мне было покидать эту своеобразную демо-версию красивой жизни.

– На повороте остановите, – попросила я скромно, больше не глядя на своего спасителя от опоздания. Взглянула на часы в телефоне и обнаружила, что у меня ещё тридцать минут! Сто раз успею доехать до работы, да хоть и дойти, и чем это не повод для радости.

– А может, тебя и дальше подвезти? – спросил парень, снова на миг повернувшись ко мне.

– Ну, если вам по-прежнему в ту же сторону... – замаявшись, пожала я плечами. Вообще-то терпеть не могу, когда незнакомые люди обращаются ко мне на «ты», но почему-то именно сейчас меня это не покорило. Я вообще как-то странно хорошо себя чувствовала – наверное, от того, что успевала теперь на работу, и придаться ко мне у хозяйки причины больше не было. А если сейчас меня и дальше подвезут, то на месте я буду уже через пять минут! Здорово! Но...

– Куда дальше, говори! – скомандовал парень, прервав мои размышления.

– Направо. Километра три ещё потом по прямой, до первой развилки, а там налево и до упора, – быстро произнесла я, и машина, плавно войдя в поворот, понеслась дальше.

Это длинный неповоротливый автобус телепается по узкой, неудобной улице десять минут! Дорогая иномарка, словно фантастический звездолёт, преодолела этот путь за две, безбоянно обгоняя всех и вся. Не успела я и глазом моргнуть, как оказалась на месте: крутая тачка, подняв дорожную пыль столбом, лихо затормозила напротив большого торгового павильона с надписью «Перекрёсток» и декором на крыше в виде светофора.

– Приехали, – самодовольно произнёс парень.

Я начала неловко отстёгивать ремень, снова не сразу сообразила, как это делается, с трудом из него выпуталась... Меня отчего-то вдруг обуяло сильное, граничащее с тревогой волнение, – может от того, что парень снова внимательно смотрел на меня, пусть и через тёмное стекло очков?

– Я вам что-нибудь должна? – спросила я, торопливо выскакивая на горячую улицу. Спросила лишь бы что-нибудь спросить и разбавить повисшее молчание.

Он снял очки и снова уставился, не мигая. Как удав на кролика... Но мне однозначно нравился и этот взгляд, и сами глаза, и лицо, и... этот человек.

Помню, что краска залила моё лицо, когда я опустила глаза, пряча их от насквозь прожигающего взгляда этих светлых глаз, что приказала себе успокоиться, хотя это было крайне трудно... Даа... так же попросту не бывает!

– Должна, – тем временем кивнул парень со спокойной уверенностью человека, которому можно всё.

Конечно, я не поверила, что он сейчас потребует с меня оплату за извоз – это было бы просто смешно! Да и не в том было дело, не о том я думала. Я просто смотрела на него и прислушивалась к странному, но отчего-то понятному ощущению. Так бывает, когда чувствуешь начало чего-то такого... Большого. Великого. Пока неясного, но невероятно желанного. Когда одновременно хочешь этого и боишься. Когда точно знаешь, что человек, с которым так неожиданно свела судьба, тот, что должен сейчас исчезнуть навсегда, на самом деле не исчезнет, хотя логически объяснить и невозможно ни то, почему он не должен исчезнуть, ни то, откуда это знаешь.

И парень в первый момент меня не разочаровал. Почти.

– Ты должна сказать мне, как тебя зовут, – произнёс он тоном, не терпящим возражений.

– Зачем? – удивилась вторая половина моего Я, противоположность первой, скромная, гордая, неприступная, та самая, по вине которой нормальные мужики всегда обходили меня стороной. Та, из-за которой лицо от простых комплиментов и иже с ними всегда становилось по цвету как бурлак – вот как и сейчас произошло.

– Просто интересно... Вдруг где-нибудь встретимся. – Он улыбнулся. – Буду знать, как к тебе обращаться.

– Надежда, – проговорила я со вздохом и горькой ухмылкой. – Только вот встречаться нам с вами негде.

И всего-то?..

Эх-х... Ну что за глупости только что пронеслись в голове? А ты уже решила, он сейчас попросит твой телефон или вроде того? Это же абсурд!

– Как знать, – тем временем равнодушно пожал плечами мой случайный знакомый, хотел сказать что-то ещё, как мне показалось...

– Спасибо, что подвезли, – перебила его я. – Прощайте. Поосторожней, дороги у нас не из лучших, – и, забросив сумку на плечо, круто развернулась и пошла к магазину.

Мои коллеги, такие же, как я, тётки за тридцатник, большие любительницы пошленьких сплетен, всё видевшие в окно и уже сочинившие парочку версий о том, кто это подвёз Наденьку и почему, налетели на меня, как смерч посреди пустыни – прямо у порога.

– Кто это был? «Жених» твой, да? – пошла в атаку Юлька, самая наглая из моих коллег, выражая общее любопытство.

А я... Я отчего-то отрицательно покачала головой, совершенно передумав сочинять для девочек байку.

– Сосед. Машину новую купил, обкатывает. Заодно меня до работы подбросил, – соврала я, разочаровывая своих зрителей.

От меня сразу же отвязались, и я спокойно прошла в подсобку, переоделась, затем заварила себе кофе и уселась с сигаретой напротив приоткрытой двери. Отчего-то глаза подвёзшего меня молодого человека никак не хотели уходить из памяти. Как и он весь...

Тьфу, дура ты, Надька, успокойся! Ты не увидишь его больше никогда. Да и для чего тебе такой? Чтоб ещё разок сравнить и почувствовать, в какой жопе ты живёшь? Это хорошо, это счастье твоё, что знакомство окончилось, не начавшись!

Но обволакивающая атмосфера салона дорогой машины, где было прохладно, удобно и приятно, вспоминалась до вечера. И эти глаза... Мужественное лицо... Явно накачанный торс, сильные руки, – понятное дело, что парень в такой отличной форме: в фитнесе, небось, днюет и ночует. Но... красавчик же! Прямо то, что, как говорится, доктор прописал: ни капли

смазливости. Строгая мужская красота, от которой мурашки вдоль позвоночника. Пожалуй, шрам на подбородке, который удалось рассмотреть, немного всё портит... да нет же! Шрамы мужчину только украшают.

Себе-то можно не врать: вот таким я и представляла себе любимого книжного героя, прямо вот один в один, от и до!..

Успокойся, ты, подержанная развратница! Понятно, зацепил он тебя, и впервые за долгие годы это вообще кому-то удалось, но приди в себя и подумай: нахрена твои целлюлитные, обвисшие формы такому принцу? Успокойся уже и в самом деле, забей!

Эх, даже как зовут, не узнала, мечтательница...

Глава 3

Я приоткрыла дверь на улицу, намереваясь выйти на перекур, выглянула и вздохнула: ливень, зараза, зарядив ещё с обеда, так и хлестал, абсолютно не собираясь терять силу. В вышине цвета индиго периодически сверкает и гремит, хотя гроза и не близко. Но при этом при всём похолодало резко: с утра только тепло было, а теперь... прямо-таки осень! И, конечно, совсем нет желания в неё выходить, мокнуть и мёрзнуть.

Покурю-ка я лучше прямо тут, на пороге, тем более, что здесь все так делают. Хозяйка сегодня вряд ли уже придёт, так что стесняться мне абсолютно некого, а дым и запах табака понемногу вытянет, если оставить дверь приоткрытой.

Я уселась на старый пластиковый ящик для бутылок, что служил в нашем магазине то стулом, то стремянкой, достала из пачки сигарету, щёлкнула зажигалкой, выпустила дым с первой затяжки и уставилась на привычный, но уже немного поднадоевший пейзаж. Передо мной в десятке шагов высились пять старых, толстенных тополей у железнодорожной станции, чуть справа виднелся небольшой вокзал из красного кирпича, впереди за тополями – уныло-серые вагоны бесконечного «товарняка» на запасном пути, загораживающего собой всё находящееся по ту сторону железной дороги, справа был старинный, давно не отремонтированный переходной мост через пути, а венчало всё это переплетение высоковольтных проводов на фоне сизых туч да угадывающиеся за завесой ливня макушки дальних деревьев, – словом, всё тут было как обычно. Пять лет здесь работаю, да ещё и детство моё в этих самых краях прошло, – там, за «железкой», совсем рядом, находится тот самый дом, где я выросла, – но ничего, ничего тут не меняется. Разве что машины, которые оставляют иногда у станции под тополями, на этот раз, всего одна, грязно-белая «девятка», почти такая же, как была когда-то у меня, – кстати, она давно уже стоит, но есть в ней кто, нет – не разобрать за тонированными стёклами.

– Надька, кофе будешь? – окликнула меня через весь магазин Маринка.

– Да, – нехотя отозвалась я. – Сахар только не сыпь.

Затянулась поглубже, наслаждаясь никотиновым дымом, недолгим затишьем в магазине, негромкой музыкой дождя да горьковато-смолистым запахом молодой тополиной листвы, что в это время в сочетании с дождевой сыростью и прохладой создаёт какое-то особенное настроение – настроение молодости и свободы. Здорово так... ни с чем не перепутаешь и не пропустишь, не смотря ни на какие события в жизни.

День, как обычно, выдался непростой, и я радовалась, что наконец-то представилась возможность хоть немного отдохнуть. Ох и устала же я сегодня! Прямо как на каторге. И ведь не всё ещё, часа два работать осталось, – но это уже мелочи, это я стерплю. Гораздо хуже другое: мне до дому сегодня добираться предстоит моим «любимым» кружным путём, сначала на электричке, а потом – четыре километра пешком по лесу.

И всё бы ничего, ибо давно привычное дело, да вот дождь, похоже, прекращаться не собирается, ещё и гроза гремит где-то вдалеке, – как раз в той стороне, куда мне нужно, а я грешным делом грозы бою-у-усь!.. Да и намочнуть не хотелось бы: рабочая неделя только вчера началась, и болеть мне теперь ну никак нельзя, а от такого дождя не спасёт ни зонт, ни хоть тот же дождевой плащ.

Однако выбора жизнь, как и всегда, не предоставила: путешествие мне обеспечено. Эх... и даже супруг меня не встретит: он сегодня на смене, домой поедет только утром, а потому и звонить ему нет смысла. Можно, конечно, и у Галки заночевать, да домой надо край: Сашка там без меня совсем от рук отбился. Не приеду я, так опять уйдёт на свою дискотеку (и дождь-то ему нипочём!) и провалится до утра: ведь мамы-папы дома нет, дед богу молится, ему не до мирской суеты, дядька пьяный как всегда валяется, а этому – лафа. Рад стараться!

Да и просто: хочу домой! Как все нормальные люди.

Мелькнула мысль о такси, но я её тут же отменяла: сто пятьдесят рублей за восемь минут езды мне всё же было жалко. Охренели они там совсем, таксисты эти, дерут втридорога, связываться даже неохота, но тогда – только пешком.

Эх... вот если б подвёз кто-нибудь, как тогда, неделю назад!..

Не смотря на то, что ситуация как всегда была непростая, я вдруг улыбнулась своим мыслям. Да уж... подвезли так подвезли!

За неделю, конечно, и само происшествие, и главный герой оно, подзабылись, но... это же не отменяет того, что мужчина за рулём той крутой тачки реально был классный! Имя спросил даже!.. Эх, надо было в самом деле не робеть и брать быка за рога, а я... Лохушка! Галка, кстати, так мне и сказала: ло-хуш-ка! Могла бы, между прочим, неплохо провести время, тем более, что так давно по-человечески не отдыхала... Мне бы оно только на пользу пошло, да чего уж теперь! Упустила единственный шанс, так и нечего теперь и вздыхать.

Выдохнув дым и зашвырнув «бычок» подальше, я закрыла за собой дверь. Таким, как я, мечты не полагаются. Для таких, как я, из радостей жизни предусмотрены лишь дешёвый стрёмный растворимый кофе, того же класса никотин да стопка самогонки на сон грядущий, и нефига ломать голову и ожидать чего-то ещё.

Когда два часа спустя я вышла с работы, ливень не только не прекратился, а ещё и как будто усилился. Удалённый грозовой фронт значительно приблизился, при почти сошедших на нет раскатах грома поминутно озаряя молниями небосвод. Ну, и потемнело значительно, – вообще-то в это время года, в середине июня в восемь часов вечера, такого быть ещё не должно, но из-за низкой облачности казалось, что уже приближается ночь.

О, боже, ну как же мне не хотелось идти одной по тёмному лесу, шарахаясь от каждого куста, да ещё и в такую погоду!.. Грехи мои тяжкие! Но при этом я знала: когда чего-нибудь очень не хочется, всегда есть контраргумент: долбаное слово «надо». Так что, вперёд, Надежда Батьковна! Вперёд. И с песней! Чудес на свете не бывает, а домой всё равно нужно.

Вздыхнув, я безнадёжно-смело шагнула в ненастье, держа в одной руке пакет с продуктами, а второй нажимая на кнопку зонта-автомата: щёлк – и я почти защищена от потоков воды с небес. Мне теперь не капает на голову, плечи и спину – ну, почти не капает. А вот всё остальное в менее выигрышном положении... Да ладно, хватит уже ныть: не сахарная, небось, не растаю. А как только до дома доберусь – так сразу в горячий душ и залезу, да ещё попрошу Сашку чайку мне срочно заварить; может, и не заболёю тогда...

Хм. Попрошу я, конечно! Если он дома, Сашка этот.

Я скорее направилась к вокзальчику, радуясь, что место моей работы находится от него так близко, и можно постоять до отъезда под крышей, да и электричка совсем скоро, всего через пару минут, – вон её даже уже объявили по громкой связи. Всё ведь на самом деле не так уж плохо: уже минут через пятнадцать я доберусь до Шуберки, а уж оттуда до моего дома всего-то четыре километра – минут сорок пешком, не больше. В лесу, под пологом деревьев, так сильно, как на просторе, лить на голову не будет – главное, ветки не задевать, молния тоже не так уж страшна, из диких зверей у нас там только зайчики водятся да несколько косуль, а люди в такую мерзкую погоду, да ещё и ближе к ночи как правило сидят по домам, а не шляются по лесу, так что, ничего там со мной не случится. Конечно, можно пойти прямо отсюда другим путём, по асфальту, надеясь, что снова повезёт и кто-нибудь добрый подбросит меня до дома, но тут тоже есть одна проблемка: что подбросят, не факт, зато возле детских лагерей, которых по дороге штук десять попадётся, стаями бродят ничейные собаки, а их я боюсь, да не меньше, чем грозы, вернее, намного больше. И страх мой вполне обоснован: ведь если гром – это хотя и жуткий, но просто звук, а молния теоретически вполне может промазать

мимо одинокого путника в чистом поле, то из стаи в два десятка кобелей хоть один да укусит, и хорошо, если только один. Ну и сама дорога, прямо как в сказке про Красную Шапочку, длиннее лесной аж на три километра.

Блин... ну и выбор!

Снова мелькнула трусливая мысль о такси и снова была отвергнута: не столько я зарабатываю, чтоб тратить деньги на всякую ерунду! Для таких, как я, и придумали общественный транспорт... Ха, жаль вот, в мои края пустить его забыли.

Погружённая в не слишком весёлые думы о предстоящей вынужденной прогулке, я почти прошла мимо приснопамятной «девятки», припаркованной за магазином, как вдруг дверь её открылась.

– Иди сюда! – услышала я, и на автомате обернулась...

Тот, кто сидел в этой машине на водительском сидении, был совсем другим – не таким, как тогда, неделю назад, но оказался вполне узнаваем. Чёрно-белая дорогушая рубаха и подобного же класса чёрные брюки, в кои он был облачён в день нашего знакомства, уступили место обычным синим джинсам с китайского рынка и того же происхождения белой футболке, волосы оказались стянуты в пучок и спрятаны под чёрную кепку с козырьком. Да уж, а выглядел-то мой старый знакомый теперь совсем не как мажорик – скорее, как самый обычный парень. Лишь только глаза его, как и тогда в первый момент скрытые за тёмными очками, смотрели дерзко, свысока, не допуская даже мысли, что кто-то может поступить наперекор их обладателю, да ещё тон оказался тем самым властным тоном человека, не привыкшего к тому, что кто-то может посметь ему возразить или, не дай Бог, отказать. И, наверное, поэтому я сначала сделала два шага к открытой дверце машины, а уж потом подумала, что не стоило этого делать, – сам бы подходил, если надо! С другой стороны, вдруг пришло осознание: эта машина уже часа четыре здесь стоит, – я ведь несколько раз выходила курить и успела её запомнить. Получается... он меня, что ли, ждал всё это время?.. Надо же!

Однако, так или иначе, я всё же решила ему сообщить:

– Электричка меня ждать не будет...

– Я отвезу тебя домой. Садись в машину, – мгновенно перебил он, глядя не на меня, а перед собой и, как мне показалось, несколько брезгливо поджимая губы.

– Отвезёшь?.. – переспросила я, словно не до конца понимая услышанное.

– Да. У меня к тебе одно дело есть, срочное. Садись, – снова велел парень.

И то ли от того, что мне до жути не хотелось в сырой вечерний лес, то ли от усталости, а то ли потому, что возражать говорящему таким тоном никогда не умела, я обошла машину, открыла пассажирскую дверь, пристроила кое-как свой пакет, закрыла зонт и устало плюхнулась на сидение. Что за дело может быть к человеку, которого даже не знаешь, да и вообще, видел только раз, я не представляла, да и не задавалась таким вопросом, будучи крайне озадаченной самим фактом появления в этом самом месте и времени этакого незванного и неожиданного гостя.

В салоне этого авто всё было обыкновенно: пыльная торпеда, освежитель-«ёлочка» на зеркале, не отличающиеся чистотой, а местами попросту протёртые до дыр чехлы на сиденьях, пустая пачка от чипсов под ногами, – всё по-человечески, как я привыкла! Ухажёры на подобных машинах у меня, разумеется, случались, да и моя собственная рухлядь, сдохшая год назад, выглядела изнутри примерно так же.

Парень снова, но на этот раз медленно снял и отложил очки, хмурясь, молча и как-то разочарованно, что ли, с сомнением, оглядел меня. Его пугающе светлые глаза впились в меня сразу, и я буквально вросла в кресло, ощущая, что не в силах пошевелиться и думая о том, что в жизни никогда не встречала человека с такими светлыми глазами... Прямо как у моего белого кота! И... странно как-то делается от взгляда в них. Как будто тебя насквозь видят. И вот теперь мне это точно не казалось: я это чувствовала, и такой взгляд меня буквально

до костей пробирал! Хотелось либо забиться под торпеду как собачонке, либо уж... выскочить обратно под дождь.

– Ну и?.. – тем не менее, силясь справиться с оцепенением и старательно изображая полную спокуху, спросила я.

Но он всё молчал. Молчал и продолжал прожигать взглядом.

Однако, поглазев вот так с минуту, и, наверное, что-то для себя решив, завёл машину, только и бросив мне:

– Поехали. Там объясню.

Где это – там, осталось загадкой.

Я почему-то даже не сомневалась, что он помнит, куда нужно ехать, а потому ничего ему не сказала – вообще не произнесла больше ни слова, пока он не остановил машину, заехав на окраину леса примерно на полпути от моего дома. Заглушил движок, отстегнул ремень...

Эй, это чего такое-то? Чего ему надо-то?!

– Не поняла, – вскинулась я, обалдев от такой, на мой взгляд, бесцеремонности. – Ты чего удумал? Куда завёз меня? – на этот раз я не стала использовать в речи церемонное «вы», во-первых, возмущившись, а во-вторых... раз приехал и зачем-то меня ждал, значит, знает, к кому ехал, а, следовательно, мы знакомы. А к знакомым, если они не годятся мне по возрасту в матери или отцы, я обращаюсь на «ты», будь они хоть кем! Этот же младше меня лет на десять, так что всё логично.

Он снова оглядел меня, теперь уже с явной брезгливостью и нагло заявил:

– Не питай на свой счёт иллюзий. Ты не в моём вкусе: терпеть не могу блондинок.

– Что-о? Да пошёл ты!.. – взбеленилась я и попыталась толкнуть дверь и выскочить из машины. Но, на мою беду, двери в «девятке», чего я никак не ожидала, оказались заблокированными. – Открой! – тут же велела я.

– Да подожди ты! – спохватился парень, мгновенно сменив тон на более покладистый. – Поговорить надо.

– О чём мне с тобой говорить? Я тебя вижу во второй раз в жизни. Дверь открой! – снова приказала я, не желая слушать наглеца.

– Да пожалуйста! – рявкнул он в ответ и нажал на брелок сигнализации. Внутренний замок, щёлкнул и открылся.

Я с силой толкнула от себя дверь, попыталась выскочить наружу... и тут же мой пыл охладили потоки воды с небес, сопровождаемые близкими раскатами грома. Мамочки!.. Надо же, от удивления и злости даже не заметила, насколько усилился дождь: прямо как из ведра льёт! А казалось-то, что сильнее уже некуда. Да-а, как ни крути, а гордо удаляться придётся погодить: ведь километра три ещё мне отсюда до дома пилить, и хотя лагеря с бродячими собаками благополучно остались позади, дальше, как раз вон за тем поворотом, начинается поле. Вот там-то молния точно шандарахнет в меня, потому как больше не во что! А если нет, так вымокну до нитки, что тоже не предел мечтаний, и никакой зонт мне не поможет при таком порывистом ветре (и когда только подняться успел, зараза?).

Короче, как открыла я дверь, так её позорно и закрыла. Но, выдержав паузу и немного справившись с гневом, снова взглянула на парня.

– А знаешь что? – обратилась я к нему. – Пообещал отвезти домой – вези!

– Да я и не выгоняю. Ты сама убегаешь, – уже вполне мирно пожал он плечами и даже натянуто улыбнулся.

– Вот сволочь! – с чувством произнесла я. – А кто мне гадость только что сказал? Я что, глотать такое должна?

– Ну так это же ты неизвестно что придумала. Я всего лишь ответил на услышанное, – он хмыкнул. – Что, совсем жизнь печальная, везде и во всём только одно чудится?

– Да ничего не печальная... – начала я и осеклась, снова встретившись с ним глазами. Провалиться мне в тот момент захотелось... Да и взбесил он меня тоже изрядно: ишь, блондинок он терпеть не может!

– Да ладно, пофиг мне, – продолжал он как ни в чём не бывало. – Я с тобой вот о чём поговорить хотел... – перешёл он было к делу, но я перебила:

– Домой меня отвези. Там и поговорим, – пообещала я угрюмо.

– Как скажешь, – легко согласился он и повернул в зажигании ключ.

Однако эта машина значительно отличалась от той и с первого раза заводиться не пожелала. Когда движок заглох во третий раз, парень негромко выругался, вышел из машины и, не обращая внимания на ливень, открыл капот. Чего он там делал, понятия не имею, но и трёх минут не прошло, как вернулся обратно, снял намокший «козырёк», стряхнул с него воду, водрузил обратно и снова попытался завести машину. На этот раз всё получилось, и тогда мой новый знакомый, удовлетворённо кивнув самому себе, достал откуда-то пачку жевательных подушечек.

– Будешь? – буднично предложил он.

Я ответила холодно-брезгливым взглядом и отвернулась: ещё мне не хватало неизвестно из чьих рук брать неизвестно что и хавать, как будто я голодающая какая-то! Однако на нового знакомого моего мой отказ никакого впечатления не произвёл. Безразлично пожав плечами, он просто забросил пару «подушечек» себе в рот и взялся за руль.

Дорога, залитая потоками воды и освещаемая не слишком ещё ярким в сумерках светом фар летела под колёса. Тяжёлые капли барабанили по крыше и лобовому стеклу. В салоне слышался шелест шин по мокрому асфальту. Парень молча жевал жвачку, а я пережёвывала обиду, – не только на него – на всех мужиков на свете! И была эта обида такой горькой, противной и всеобъемлющей, что весь белый свет, казалось, потонул в ней. Не видела я от них ничего хорошего, так нечего и надеяться, что увижу! Сейчас вот довезёт до дома – и я тут же свалю, оставив его одного. Пусть хоть чего говорит, я не стану даже слушать!

В тот момент, когда «девятка» остановилась у моих ворот, вышло так, что в тучах чуть западней обозначился небольшой просвет, и закатное солнце смогло на пару минут осветить мир, занавешенный мелким, холодным дождём... Осветить, но не порадовать: всё вокруг окрасилось в какой-то грязно-жёлтый цвет, и от этого стало ещё хуже, – так же, как и у меня на душе.

– Ну так что, – начал парень, стаскивая с головы отсыревшую кепку и снова ухмыляясь, – теперь-то нам поговорить можно?

Я исподлобья посмотрела на него. Дура я, отходчивая дура: уже и не злилась, вообще-то... Но надо же было его приструнить, и потому я осторожно и предложила:

– А может, сначала извинишься?

– За что? – вдруг очень искренне удивился парень.

– За то, что сказал про блондинок. Что терпеть их не можешь, – заявила я обиженно.

Он недоумённо на меня уставился.

– Интересно, а почему это я должен извиняться? – ухмылка на его узком, сразу показавшемся мне абсолютно несимпатичном лице сменилась оскалом, а после и вовсе погасла, уступив место этакой надменной маске. – Я выразил своё мнение. Если оно тебе не нравится, так разве это моя проблема? Я действительно не могу их терпеть, особенно, таких, как ты, явно крашенных, у которых не волосы, а словно парик на голове. Красивого в этом нет ничего, поверь, – просветили меня напоследок.

Я потеряла дар речи, – да просто задохнулась от такой борзоты! Когда я снова смогла говорить, у меня по началу получалось какое-то бульканье пополам с шипением, нечленораздельный поток неизвестно чего, в итоге с большим трудом оформившийся в слова:

– Так что ж связался с такой?! – выдохнула я.

– Пфф... Так другой-то нет! – бесцеремонно признался парень, стрельнув глазами куда-то вверх, над моей головой.

– Сволочь!!! – рявкнула я.

– Повторяешься, – спокойно ответил он мне, дёрнув бровями.

Это переходило всякие границы, – да пошёл он к чёртовой бабушке! Ничего не желаю слушать, правильно я собиралась уйти, вот прямо сейчас это сделаю!

– Открой! – рявкнула я и, как только это стало возможно, вылетела из машины пулей, наплевав и на дождь, и на грозу, и на всё на свете – лишь бы навсегда распрощаться с этим отвратительным хамлом. Мне хотелось ещё и дверью хорошенько приложить, чтоб все стёкла осыпались в его сраной развалюхе, и уверяю, я бы так и поступила, но уже отвернувшись, услышала вслед усталое:

– Да подожди ты... Мне помощь твоя нужна.

И, конечно, хлопать дверью тут же передумала и обернулась...

Если и есть у меня порок сильнее, чем отзывчивость вкупе с жалостью и состраданием ко всем и вся, то, видимо, я ничего об этом не знаю. Слово «помоги», сказанное соответствующим тоном – это ключ ко мне, так было, есть и будет. Ни годы работы в торговле, где помощи просили в основном материальной, ни общение с мерзопакостными или просто не понимающими хорошего к себе отношения личностями, не сделали меня другой: как только слышу просьбу о помощи, я уже готова... Как пионер. И воспользовавшихся моей отзывчивостью в своих корыстных целях в этом мире, разумеется, не счесть.

Однако, не смотря на всё это, спросила я совсем неласково, соответственно предыдущему диалогу:

– Интересно знать, чем это Я могу помочь ТЕБЕ? Ты хоть погляди на себя и на меня!

– Ты можешь, – глухо уронил парень. Немного помолчал и выдал: – Схорониться у тебя мне надо на время. Жильё мне выдели, ну как квартиранта возьми, а я уж потом... в долгу не останусь, заплачу, как положено.

Так и замерла я на месте, глядя на него... Что я увидела и услышала? Да конечно то, чем была забита моя голова на протяжении последнего года. А весь последний год я жила, погрузившись в любимую книгу и многое видела через эту призму, а потому, услышав просьбу о помощи от этого человека, увидела один из любимых мною эпизодов: там, где богатенький красавчик, правда, заколдованный, в не слишком приятном обличье, просит простую девушку о помощи, которую она, вроде бы, и не в силах оказать, но это лишь на первый взгляд...

Тьфу ты, да что за глупости! Жизнь – не сказка! Да и я, если что, далека от того милого книжного образа: совсем не юная, хорошенькая, глупенькая девушка, а взрослая, потрёпанная жизнью, усталая тётка. И, возможно, я не семи пядей во лбу, но правду жизни, в некотором роде, уже постигла, наивняком от меня давно не веет. Единственное, что во мне, пожалуй, напоминает любимую героиню, это... Это моё, чёрт возьми, вселенское сострадание всем и вся! Ха! Отсюда и куча зачребетников на моей шее. Скажем так, вот такой, как я, могла бы стать та девушка, если бы вышла замуж за простого деревенского мужика, нарожала детей и погрязла в рутине... Да уж, а не так-то, оказывается, мы и непохожи с любимой героиней!

Однако это не причина идти на поводу неизвестно у кого... Но жалко же, гада такого, блин, жалко! Наверняка же не зря просится на постой... А может всё-таки?.. НЕТ!!!

Собрав волю в кулак, я отрицательно покачала головой и твёрдо ответила:

– Нет. Я не могу, – и снова развернулась, чтобы уйти.

– Почему это? – не понял парень, видимо, и мысли не допускавший о том, что я могу ему отказать. – Ты в таком месте живёшь... Лучше не найти, чтоб мне до времени схорониться. Да не ссы, в такую глухомань даже черти поленятся припереться. И... ты ничем не рискуешь.

– Не в этом дело, – возразила я.

– А в чём? – снова удивился он. – Тебе что, деньги не нужны?

– Нужны, – согласилась я с ним. – Но связываться с тобой не имею ни малейшего желания. – Я подхватила незаметно поставленный на землю пакет с продуктами. – Спасибо, что подвёз. Прощай, – и, уже не глядя на него, решительно направилась к своим воротам.

Если не смотреть в глаза и не слушать того, что он непременно мне скажет, то и не будет ничего: не буду я знать, чего у него такого произошло и почему ему нужно прятаться, не откажу ему, потому что нельзя на такое соглашаться, и не увижу разочарования на лице. И совесть меня мучить тоже не будет...

Какая, нахрен, совесть, Надя? Ты ничем ему не обязана, да и вообще, не знаешь не только, кто он и откуда взялся, почему, скажем, приехал на другой машине, а даже понятия не имеешь, как его зовут! К тому же, он тебе откровенно нахамил: «терпеть не могу блондинок», «не ссы»... Попробовал бы мужёк так с тобой поговорить, живо бы люлей схватил, а уж малознакомого человека за такое следует просто послать далеко и никогда с ним больше не общаться, так что, какая тут может быть совесть?

И тем не менее, она мучила меня. Как будто я уже пообещала помочь и на полпути отказалась.

О, Господи, ну как же тяжело быть такой в нашей действительности!

Глава 4

Когда я снова вышла из дому на улицу, чтобы закрыть куриный сарай, стемнело уже окончательно. Гроза ушла на юго-восток, а дождь стал тихим, монотонным, уже однозначно похожим на осенний, – такой и на неделю может зарядить. К тому же, похолодало потрясающе, и теперь казалось, будто жарница, донимавшая с утра, только привиделась.

Во дворе, как и всегда, было довольно светло: в старом, недействующем уже пионерском лагере, расположенном прямо за моим забором, светили фонари. А вот за границей их света тьма сгущалась и казалась прямо-таки непроглядной.

И в этот холодный, дождливый поздний вечер мне было мерзко и неудобно в собственном дворе, да вовсе не из-за непогоды. То, что я оставила человека в беде, никак не давало покоя. И чем дальше, тем хуже мне становилось: если поначалу было просто немножко неприятно, хотя и переживаемо, то теперь стало казаться, что я совершила преступление. Надо было хоть узнать, что с ним произошло, от кого его нужно было спрятать, а уж потом уходить... Честное слово, если бы он всё ещё был там, у ворот, если б не уехал, я бы сама позвала его в дом и обо всём расспросила!

А с неба всё капало... А я не решалась уйти домой: не могла. Просто стояла и курила одну за другой, кутаясь в старый, домашний плащ и размышляя, что же делать.

Наконец, с тяжёлым вздохом, ненавидя себя за слабость, одновременно молясь, чтобы мой случайный знакомый всё ещё был там, прямо за моим забором, и при этом страстно желая, чтобы уехал, я направилась туда, где рассталась с ним – к воротам, расположенным у лагеря.

Двор у меня довольно большой, и потому шла я долго, периодически попадая в тени, спотыкаясь и чертыхаясь, но вот наконец добралась до ворот и припала к щели в заборе.

Светлая машина так и стояла под кустом вяза с выключенными фарами. Эх... Никуда он не уехал, да и ничего другого на самом деле я не ожидала! Некуда ему, похоже, ехать...

Решительно толкнув калитку, я шагнула на улицу. Если сейчас не узнаю, что случилось, до утра не смогу уснуть, да и вообще, не смогу больше спокойно жить, и поэтому хрен с ней, с гордыней. Лучше я всё же поговорю с парнем и узнаю, что к чему, чем сходить вот так с ума. И пусть он конченный хам, но ведь человек же! Пусть ввязался во что-то очень нехорошее, но... может, помочь ему всё же в моих силах? Что обещал расплатиться за услугу, это, конечно, здорово, да вот только слабо верится: мало ли, кто чего обещает... Ну да ладно.

Стоило сделать лишь пару шагов в круг света, как машина мигнула мне фарами, щёлкнул, открываясь, внутренний замок. Я подошла ближе, открыла дверцу и застыла в нерешительности...

– Садись, – всё так же властно, как и до этого, хотя и с большей долей усталости, произнёс парень, на миг удостоив меня взгляда и тут же отвернувшись. Заставлять себя уговаривать я не стала.

– Что ж не уехал? – недружелюбно начала я, устало опустившись на сиденье: ноги уже не держали – непростой всё же выдался день. – Я могла, кстати, и не вернуться, – произнесла я как можно беззаботнее. Однако голос всё же едва заметно дрогнул: казалось недавнее волнение и самокопания.

– Не могла, – тут же с этакой железобетонной уверенностью заявил мне в ответ парень.

– С чего ты взял?

– Ну, вышла бы утром, – почти безразлично уточнил он, пожав плечами и заставляя тут же начать жалеть о своих недавних мыслях и действиях.

– У нас во дворе не одни ворота, могла выйти и через другие, – возразила я, понемногу снова начиная закипать.

– Значит, подождет бы до вечера... неважно, – одним махом прекратил он бесполезные выяснения. – Ну, раз уж пришла... я слушаю тебя! – тоном снизошедшего до простолюдинов императора разрешил он и уставился на меня снова.

– Что-о?! – немедленно возмутилась я. – Это я тебя слушаю! Тебе ведь надо спрятаться, а не мне!

– Верно. Но я уже озвучил, что мне требуется, да и деньги нужны тебе, и потому – Я тебя слушаю!

– Ещё никто ни на что не согласился! – напомнила я.

– Снова верно. Но никто уже и не отказался. И вернулся. А значит, предложение заинтересовало... кого-то, – иронично заметил знакомец. – Так что хватит ломаться и давай по делу: сколько ты хочешь за то, что предоставишь мне временное убежище?

Со мной снова говорили таким тоном, что каким-то образом перечить, возражать я не посмела. А такой вопрос буквально ставил в тупик... Вернее, для меня это был не один вопрос – это была целая анкета! И первым пунктом в ней было: а может ли это всё вообще быть правдой? Естественно, я умолкла и ошолбенела, уставившись на него.

– Ну так?.. – попытался он меня поторопить.

– Не знаю, – после некоторых раздумий честно вымолвила я.

– Напрасно, – откинувшись на спинку сидения проговорил мужчина, и на этот раз это прозвучало окончательно устало, в сопровождении лёгкого зевка. – Я б на твоём месте не стал теряться... Проси больше. – Он повернулся, и мне снова удалось его рассмотреть при неярком свете фонаря и сделать окончательный вывод: да так себе на мордахе, я бы сказала даже, страшенький; не пойму, что могло мне в прошлый раз в нём понравиться? – Гарантий дать не могу, уж извини. Только денег, и то не сейчас, – продолжал тем временем он, отчего-то едва заметно улыбнувшись. – И доказать, что я точно тебе заплачу, мне тоже нечем. Ты можешь только поверить на слово или не поверить, – он помолчал. – Ну? Сколько?

И тут до меня, кажется, впервые дошло, что происходящее не снится: у этого человека ведь без сомнения много денег, не просто много, а очень, очень, очень много, столько, что я даже и представить себе не могу! И для того, чтобы получить их с него, мне на этот раз и делать ничего не придётся. Совсем ничего! Просто поселить его у себя и никому об этом не говорить.

Так чего ж тогда теряться? Я ведь ХОЧУ лёгких денег!

Нет, я, разумеется, не жадная. Вернее, не так: за жадность в наше время не оправдываются, но, к сожалению, в средствах я всегда была ограничена. Сколько бы я ни работала, как бы ни старалась, не идут ко мне деньги – и всё тут! Может, работаю не так и не там, может, рожей не вышла – не знаю, да только вот сколько себя помню, всегда облизывалась у витрин, не имея возможности купить хоть что-нибудь стоящее. Хватает мне только на еду, и то – не на самую лучшую: на обычную. Одежду же приходится носить по несколько лет, а потому ни жиреть, ни сильно худеть нельзя категорически – это неэкономно. И нет у меня ни шубы, ни золота... Да ни хрена у меня нет! И, главное, я давно с этим смирилась. Не завидую никому... Радуюсь, что всё идёт как идёт. И всё хорошо, всем довольна, пока никто не вторгается в мою жизнь, не пытается воспитывать и говорить, что я не так живу. В общем, не материалистка я. Мне и так хорошо.

За всю жизнь у меня была, пожалуй, всего одна стоящая вещь – это машина. Стоила она пять лет назад шестьдесят тысяч рублей и досталась ну совершенно случайно.

Когда умерла мама, отец продал свой старый дом, а деньги хотел поделить на нас троих, своих детей. Но его дорогой зять, муж моей младшей сестры, влез в это дело, обработал папеньку и выцыганил у него почти всё. Не знаю уж, как там было на самом деле, не вникала я в это, да и хрена с два признается же это престарелое чудо в собственной лопушарости, но остался отец в итоге и без дома, и без денег: всё ушло им одним. И если б не наша с Васи-

лием хата в лесу, которая, к слову, всегда очень не нравилась моему отцу, пошли бы папенька и братец по миру. Но, естественно, я такого допустить не могла, и пригласила их жить к себе.

Подали мы и в суд, да у этого козла-зятка всё уже схвачено было: заранее, видать, подготавливался, гад! Единственное, что перепало нам после долгих разбирательств – это старая машина, оцененная в шестьдесят тысяч. И так как отец уже был старый, братец всегда прибухивал, а после смерти матери совсем с цепи сорвался, то и за руль села я, – да, собственно, никто больше и не претендовал. Но и это долго не продлилось: машина и так дышала на ладан, а тут ещё неопытный водитель... В общем, краткой совсем была моя радость: покаталась я лет пять, да и доломала старушку. И знаете, вроде и хорошо мне было, нравилось рулить, но как осталась без колёс, так сразу и увидела, что так даже проще: ничего не может заглохнуть, полететь, отвалиться, не завестись в мороз или как-то иначе подвести. Не надо так же и ежегодно платить налоги, отстёгивать за техосмотр и страховку, не нужен бензин и не страшны гаишники, а если уж появится такая огромная необходимость куда-то съездить или что-то привезти – есть же такси, а это и дешевле намного, чем держать личный транспорт, и абсолютно не напряжно.

В итоге, выводы сделаны, а вот «дорогостоящая» вещь превратилась в банальный металлолом, и теперь покорно догнивает у гаража. А я хожу пешком и радуюсь, что ноги меня пока что держат, и лучшей доли, как говорится, не прошу...

Но, несмотря на все свои принципы по жизни, на стойкость к ударам судьбы, на неприхотливость и нетребовательность, я, конечно, как и большинство людей на Земле, в глубине души хотела денег! Хотела хоть раз пойти по магазинам и купить всё, на что ляжет взгляд. Поесть в кафе, выбирая по принципу «что хочется», а не «что дешевле», вернуться домой на такси прямо из города, а не с конечной автобуса в Сомово в целях экономии... А может, – кто знает? – и новой тачкой обзавестись.

Ах, мечты!.. Глубоко запрятанные желания. Какой же неожиданностью для меня стала такая внезапная надежда на их скорое осуществление! Да уж, и не верить в то, что этот человек имеет возможность расплатиться за мои услуги, причины у меня не было: я не только своими глазами видела ту его офигительную машину, но и увидела теперь в нём самом черты обеспеченного человека: он не привык ни в чём себе отказывать, а с людьми разговаривает так, как только богатенькие умеют – с большой долей снисхождения и небрежения.

А раз так, для меня и в самом деле будет правильнее сделать то, о чём он просит: может, и правда подзаработаю, и раз уж он богатый, то пусть отстёгивает. А уж из чьего бюджета поступят отчисления, кто за этим всем стоит, – папа, мама, семиюродная бабушка – мне абсолютно безразлично.

– Хочу ровно столько, сколько ты ценишь свою жизнь, – подобрал-таки подходящие слова и посмотрев этому богатею прямо в глаза, произнесла я.

– Даже так? – усмехнулся он. – А не многовато?

– Не многовато, – решила наконец обнаглеть я. – Ещё неизвестно, что ты там натворил и как я расплачусь за то, что я тебя буду скрывать.

Мужчина хмыкнул, и надолго повисла тишина. Отвернувшись к окну, он, судя по всему, размышлял над сказанным мной.

– Пять мультов тебя устроят? – спросил он в итоге.

– Рублей?! – у меня, кажется, глаза на лоб полезли от неожиданности! Не смотря на посетившие меня до этого мысли, я всё же и близко не представляла, что будет озвучена ТАКАЯ сумма.

– Дура, что ли? Евро, разумеется.

Наверное, он окатил меня презрением, но я не ощутила – не до того было: я просто замерла с открытым ртом! Меня в который раз за сегодня пригвоздило к месту. Вот это... ДА! Вот это сумма! Это тебе не на раз гульнуть, порадоваться жизни и до старости вспоминать! С такими деньгами я не только выберусь из нищеты, я... Да с такими деньгами я проживу без-

бедно до глубокой старости! Открою своё дело! Серёгу от алкоголизма вылечу! Сестрице своей нос утру! Выучу сына за границей! Отца в платную клинику на обследование уложу, пусть ему сердце проверят! А Ваську... Да брошу я его к хренам собачьим! Пусть идёт своей дорогой. Он ведь тоже втайне мечтает от меня избавиться, – вот пусть и живёт спокойно со своей любимой мамой, а я заплачу ему за его часть общей собственности, чтоб свалил и глаза мне больше не мозолил, и разведусь с ним!

Ну и перспектива же вырисовалась, мать её!!! Выходило, что такая нереальная сумма, попавшая мне в руки оказывалась не чем иным, как билетом в новую жизнь.

– Что, и всё это только лишь за жильё? – пока ещё не веря, переспросила я. Однако, осторожная радость, словно некое опьяняющее вещество, уже бежала по венам: ещё немного – и потянет прыгать и плясать от неё.

– За убежище, – поправили меня. – Пока – да. А потом... Потом видно будет. Поверь, ничего сложного или невыполнимого.

– Ладно. Я согласна, – кивнула ему я, мысленно уже скирдуя миллионы. О-о-о да!

– Ну, вот и договорились, – подвёл мой новоиспечённый постоялец итог нашей беседы и как-то зашевелился, наверное, чтоб дать мне понять, что пора бы и домой уже, отдыхать там, и всё такое...

– Один момент ещё, – вдруг остановила я его. – Раз я впускаю тебя в свой дом, неплохо бы мне было узнать, что у тебя случилось и кто ты вообще такой?

– Тебе этого знать не нужно, – резко помрачнел он.

– Я ведь могу и передумать, – пригрозила я. – Что там у тебя? Бандитские разборки?

– Скорее, политические... Но это всё! Больше ни слова пока не скажу, – предостерёг он. Вздыхнул и добавил: – Я и сам всего не знаю, если честно. Знаю пока только то, что мне нужно прятаться. И как можно скорее связаться с отцом. Пока меня не нашли.

– А кто у нас отец?

Мужчина хмыкнул.

– Один влиятельный белорус.

– Сам Батько, что ли? – испытыв сердечную дрожь, но при этом изобразив улыбку, спросила я.

– Почти, – усмехнулся он. – Если выгорит дело, так и быть, всё расскажу. Если нет... хм... из некролога узнаешь.

Я покачала головой.

– Как бы в тот некролог и моё имя до кучи не вписали, – тоже попыталась пошутить я.

– Не волнуйся, не впишут, – со вздохом ответили мне.

– Ты так уверен?

– Нет... Просто кто я, а кто ты, – он холодно улыбнулся. – В один некролог нас точно не впишут, будем в разных...

– Весело, – подвела я итог.

На самом деле, соображалось мне уже плохо: предвкушение никогда не виденных мною больших денег весьма отрицательно сказалось на мыслительных способностях. На смену обычной для меня недоверчивости пришло нечто непонятное и странное, подобное знаменитой надежде на «авось», – так бывает, когда до жути хочется верить в то, во что верить нельзя.

Так или иначе, механизм, исход работы которого никто бы не взялся предсказать, с этой минуты считался запущенным: с незнакомым мне хамовато-мажористым типом я так или иначе связалась. И впервые за долгое время дело было совсем не в моей отзывчивости...

– Как видишь, миллионы легко никому не достаются, – последовал ответ на мою реплику, и была в этой фразе, как мне показалось, вполне прочувствованная горечь.

– Зато колотушки – очень даже запросто, – произнесла я вполне очевидную вещь. Затем посмотрела на него. – Как тебя хоть звать-то? Кого в некрологе искать? – спросила я как бы

к слову, но при этом – внутренне сжавшись. С именами у меня пожизненная печаль: отчего-то до ужаса стесняюсь спрашивать у человека, как его зовут, словно съедят меня за это. При этом сама я кому зря тоже не представляюсь, ибо не люблю, когда чужие люди называют меня по имени, особенно если они фамильярно используют его уменьшительно-ласкательную форму.

– Тебе полностью, со всеми регалиями? – насмешливо спросили тем временем, смерив меня взглядом и как будто верно почувствовав моё внутреннее состояние.

– Нет... Просто имя. Как к тебе обращаться, – пояснила я как можно спокойнее и безразличнее, внутренне же – сгорая от смущения и кипя от злости на себя за такие детскосадовские мысли.

А он ещё и вздохнул и закатил глаза так, словно я просила его сказать не имя, а номер счёта в Швейцарском банке.

«Ага, не хочет представляться, не желает, чтоб плебеи его имя языком своим пачкали, – подумалось мне. – Или это опять из той книги?.. Хотя, честно говоря, отчасти понимаю его».

– Можешь сказать от балды, – разрешила я: хотелось поскорее уже закрыть эту тему. – Мне, собственно, пофиг, но надо же тебя как-то называть...

– Меня зовут Станислав, – тут же перебил он, – можно просто Стас. – и улыбнулся, впервые за сегодняшний вечер – тепло, и словно бы... понимая меня, что ли... Да нет же, конечно, показалось.

– Надя, – зачем-то брякнула я.

Он лишь фыркнул в ответ.

– Загоняй машину. Пошли домой, – уронила я после минутной паузы. Всё уже, я на всё согласилась, а потому, сидеть тут больше не было смысла. – Ужинать будешь? – спросила я, надеясь, что откажется и точно зная, что мои троглодиты благополучно сожрали всё, что я сегодня приготовила на ужин. Ну, в крайнем случае, яичницу ему по-быстрому поджарю, салата покрошу...

– Нет, спасибо, – Стас отрицательно покачал головой. – Лучше сразу пойду спать... Твой-то как к этому всему отнесётся? – вдруг спросил он.

– Откуда я знаю, – честно ответила я. – Его дома нет. Придёт – спрошу.

– Интересные у тебя отношения с мужем...

– Одно условие ещё! – мгновенно разозлившись, перебила я. – Делай, собственно говоря, здесь что хочешь, но не пытайся меня поучать. Я этого терпеть не могу и никому не позволю. Не лезь в мою жизнь, понял?

– С чего ты взяла, что я буду это делать? – тут же встал он в позу.

– Ты уже это делаешь, – с нажимом пояснила я.

– Больно надо! – прозвучало в ответ.

– А раз не надо, так загоняй машину и пойдём, покажу, где жить будешь!

Он сверкнул глазами, хотел, видимо, плюнуть ядом в ответ, но не успел: я выскочила из машины, хлопнув так дверью, и тут же, не оглядываясь, пошла открывать ему ворота.

К моей весёлой злости снова прибавилось ощущение чего-то большого и важного (видать, и правда заплатит!), и не замечать этого было уже невозможно.

И правда, всё как в любимой книге.

Глава 5

Время шло к обеду, и я давно уже была на работе, когда мне, наконец, позвонил благоверный.

– Это как понимать? – раздражённо начал он, не поздоровавшись. О как! Прямо с места в карьер!

– Что тебе непонятно? – спросила я, прикидываясь дуручкой. Явился, видимо, наконец-то, и столкнулся с постояльцем... ха-ха-ха! Нечего шлаться неизвестно где с утра до вечера, дорогой, тогда и не будет странных происшествий в твоём доме.

– Ты кого домой привела?! – возмутился Вася следом, подтвердив мою догадку.

– Как это – кого? Ты же сам мне столько раз говорил, что у нас жильё пустует. Вот я и нашла нам... жильца, – проговорила я ровно, стараясь при этом не заржать.

– Жильца?! Да ты знаешь, как он себя ведёт? Он наглый, как танк! – негодовал муж.

– Да ну, не может быть! – возразила я. – Что же он такого сделал?

– Что сделал? Что сделал?! Да он... Он без разрешения в холодильник залез и всё там пожрал!

– Почему это – без разрешения? С разрешением. Я разрешила, – объяснила я мужу.

– А я что теперь жрать буду?!

Я испытала настоящий кайф! Вот, дорогой, теперь наконец-то ты оценишь мою роль в твоей жизни! А то постоянно где-то околачиваешься, дома не ночуешь: то друзья у тебя, то родственники, а из холодильника берёшь, не глядя, убеждённый в том, что оно само туда каким-то образом попадает. Денег у тебя вечно нет, и, соответственно, домой ты приходишь с пустыми руками. Вот и ощути, как оно бывает! Может быть, дойдёт до тебя, наконец, что этот поток не бесконечен.

– Не знаю, – продолжая изображать «блондинку» произнесла я. – А ты разве ничего не купил?

– Как я мог что-то купить, если у меня денег нет?

Нашёл, чем щеголять! Господи, с кем я живу...

– А зарплату тебе разве не дали? – продолжала издеваться я, разыгрывая искреннее недоумение.

– Нет ещё! – рявкнул Васька. – Денег только на проезд осталось и на сигареты!

– То есть как обычно, – вздохнув, совсем другим, усталым тоном заключила я. – Ну, а раз такое дело, какие могут быть претензии ко мне? Нет денег – нет еды, – озвучила я простейшую истину, машинально пожав плечами.

– Ах вот как! – обиделся Вася. – Значит, чужого мужика кормить ты будешь и так, а собственного мужа можно и голодом теперь заморить?

Я беззвучно усмехнулась, представив, сколько же времени нужно не кормить моего супруга при его комплекции, чтобы он умер-таки с голоду, прикинула, что, по меньшей мере, он продержится без еды месяц без вреда для здоровья, но делиться соображением, разумеется, не стала.

– Чужой мужик, кстати, мне деньги... платит, – заметила я. Сначала хотела честно сказать «обещал», но в последний момент передумала, зная натуру мужа: мой дорогой Василий мгновенно зацепится за это слово и разовьёт тему – и даже будет в данной ситуации прав! – А тебя я кормлю бесплатно, вот уже пятнадцать лет, – напомнила я благоверному. – Так что не жалуйся, мой свет. И смирись, что теперь придётся делиться. Но если что вдруг где найдёшь – всё твоё, – разрешила я. Подумала и добавила: – А ещё лучше – сам что-нибудь приготовь, – там есть из чего, – я тоже поем, когда с работы вернусь.

В трубке слышались нечленораздельные звуки: видимо, Вася был крайне возмущён! Его – и готовить заставить?! Неслыханная наглость!

«Ну и хорошо, пусть позлится», – подумала я. Давно пора ему понять, что семью надо кормить, а не просто быть в ней полипом. А то удобно устроился: захотел – ушёл, захотел – вернулся, занимайся хернёй целыми днями, а бытовые вопросы решатся сами по себе как-нибудь. А уж о том, чтоб дать жене денег, хотя бы на собственное недешёвое содержание, и мысли не допускается!

– Знаешь что? – прошипел муж в трубку. – Выбирай: или ты выгоняешь его, или уйду я!

Я вздохнула. Давно, дорогой, очень давно, лет десять уже, как не действует на меня подобный шантаж. Да и полезно будет тебя слегка подлечить.

– Тогда скатертью дорога, – сказала я тихо, без эмоций. – Не забудь забрать свой мотоцикл.

Послышались гудки отбоя: обиделся. Ну и слава тебе, Господи. Баба с возу – кобыле легче.

Мотоцикл я, кстати, упомянула не напрасно: это как раз тот козырь, которым я всегда его убиваю. Старый, очень-очень подержанный «Урал» Вася купил ещё на наши свадебные деньги, при этом мы ещё лет пять жили без холодильника и многих других нужных в хозяйстве вещей. Так вот, с тех самых пор несчастный агрегат так и находится в разобранном виде, хотя для него и выстроен был настоящий, нехилого такого размера гараж. Вася примерно раз в полгода, обычно осенью и весной, добирается до него, что-то с ним там целый день делает, приходит весь в мазуте, что-то мне рассказывает, перемежая речь непонятными словами, но с мёртвой точки дело ни разу так и не сдвинулось. Мне, наверное, в жизни не дожидаться, когда это чудо мотопрома поедет, но, честно говоря, я этого и не жду, и даже рада, что дело обстоит таким образом: ведь услышав про мотоцикл, Вася сразу замолкает и старается некоторое время не попадаться мне на глаза. Вот и теперь будет так же. А уж если уйдёт – и вовсе прекрасно: никуда он в итоге не денется, а мне всё меньше стряпни. А там, глядишь, и правда деньги появятся... Эх, мечта!

За ночь, надо сказать, я немного поостыла, и веры в то, что мне вскоре прилетит озвученная Стасом космическая сумма, заметно поубавилось. Впрочем, о том, что он уйдёт, не расплатившись, тоже не думалось: что-нибудь да подкинет мне, что уже неплохо... Но это всё когда ещё будет! А вот первый скандал по этому поводу состоялся уже сейчас.

Как ни верти, на душе стало мерзко: не люблю скандалить. Просто умираю от этого... И даже то, что сказанное мной по сути своей верно, неприятного осадка никак не отменяет. С другой стороны, скандалом больше, скандалом меньше – какая, собственно, разница? Не счесть ведь их за долгие годы совместной жизни.

На этот раз, когда я вышла с работы, погода была чудесная, тёплая, приятная, с белыми завитками облаков на краю ярко-синего небосвода и ласковым южным ветерком. Вечернее солнце уже клонилось к закату, но было вполне понятно, что ещё долго будет светло: всего восемь часов вечера, начало лета, самые длинные дни, и при этом ясная и тёплая погода, – как же может быть ещё?

Прогулка по вечернему лесу нынче представлялась мне чем-то вроде весёлого развлечения: я почти не устала, и потому пройтись после двенадцати часов в душном и наполненном гомоном магазине было только в удовольствие. Конечно, пакет с продуктами, который мне придётся нести, был немного тяжеловат, ну да ничего, – не в первый раз, привычка есть, донесу уж!

Электричка задержалась минут на десять, но я снова провела время с пользой, поболтав с одной своей знакомой, которую встретила на перроне и которую давно не видела, – хорошо иногда в посёлке, где ты выросла и где все друг друга знают!

В итоге, когда я доехала до Шуберки, настроение у меня было приподнятым, хотелось петь, что я, собственно, и делала – мурлыкала себе под нос по дороге.

Вот спустилась с железнодорожной платформы, вышла на знакомую тропку, – сейчас пойду по ней и через сорок минут буду дома.

В лесу в это время года так красиво, что не описать словами... Впрочем, в лесу красиво всегда! Просто ранее лето всегда богато травами, цветами, яркими, совсем ещё молодыми листьями на деревьях, и смотреть на это мне лично очень нравится. Хочу заметить, что и зимняя сказка, и пьянящая ранняя весна, и золотая осень радуют меня не меньше лета, – во всяком случае, я ни за что не променяла бы свою глушь, прекрасную в любую погоду и время года, на блага цивилизации. За одну только эту дорогу под зелёным пологом деревьев можно благодарить судьбу! Сейчас прогуляюсь не спеша, подышу свежим воздухом, послушаю тишину леса и вплетающиеся в неё птичьи голоса – и напряжение прошедшего дня как рукой снимет. Нужно только разуться: и балетки поберегу, и ноги от обуви отдохнут. А после такой замечательной прогулки я ещё на многое способна, что и собираюсь с успехом применить: поработаю часа два в огороде. Да и еды на завтра приготовить не помешает.

Как-то некстати вспомнился сегодняшний скандал с мужем, и внутри неприятно кольнуло, но я мгновенно приказала себе выбросить инцидент из головы, как и самого Васю. Ещё не хватало! Достаточно нервов мне этот человек помотал, много чести ему будет – снова о нём думать!

Итак, сняв балетки и взяв их в правую руку, не глядя, поправив ремешок сумки на плече, а тяжёлый пакет поудобнее перехватив левой, я бодро зашагала по направлению к дому, и была там около девяти часов вечера, как и планировала.

Сын возле гаража возился со своим велосипедом.

– Привет, мам, – поздоровался он.

– Привет, сынок. Где отец? – спросила я буднично.

– Он же тебе звонил, – хитро прищурился Сашка. – К бабушке пошёл. Сказал, пока этот тут живёт, ноги моей здесь не будет.

Хорошему настроению однозначно пришёл конец: видно, надеялась я всё же, что не ушёл... Но, разумеется, и бровью не повела.

– Ну и ладно, – махнув рукой, я побрела к дому.

Ну не умирать же в самом деле! Да, возможно, я и была несколько неправа, поселив у нас Стаса и не посоветовавшись с Васькой, но и он-то тоже хорош: кого я должна была спросить, как? Его же вечно нет дома! Тут надо было срочно брать быка за рога, чтоб не упустить такой солидный куш. Да и не думала я, если честно, что Васька так уж обидится, что аж уйдёт... Но теперь пусть и правда поживёт у матери: мне так спокойнее будет. А уж когда появятся деньги, конфликт рассосётся сам собой.

Вот чёрт, и почему каждый раз, как только подобное происходит, я так переживаю? Ну хоть убей, не могу безразлично относиться к тому, что Васька где-то, а не дома! И странно ведь: мы так всегда жили, а я всё никак не привыкну, – сплю плохо, рычу на всех... Но никогда в жизни мой супруг ничего такого не услышит! Жирно ему будет, не заслужил.

И что это вообще за хрень такая происходит? Не люблю ведь, давно уже, – подумать о таком – и то смешно! – а стоит ему только уйти... Боже, ну что я за дура?

Жаль, за день слегка поостыла, успокоилась. Если б я злилась, мне было бы почти радостно, что он ушёл. А теперь... печаль, блин.

Так! Ладно, не смей раскисать! Самое правильное сейчас – это поработать. Когда руки заняты, голова меньше думает, а значит, и душа меньше болит.

Глава 6

Быстро сбегав в дом, я переоделась в домашнее и окунулась огород. Нужно было прополоть помидоры, а то за сорняками скоро уже их и не видно будет. Тем более, растения выросли необходимой высоты, зацветают и совсем скоро принесут урожай, а значит, им теперь намного больше света, воздуха и воды нужно. Конкурентов следует беспощадно уничтожить, а то плоды будут мелкими и сухими. Конечно, пришлось с ними попотеть, да и ещё придётся, но ведь и результат есть: не нужно будет покупать овощи. И хотя не так дорого они в сезон и стоят, но зато здесь они – свежие, выращенные без химии. И их, как правило, очень много, можно кушать без ограничения. Да и земля ведь есть... Почему бы не сажать на ней, если всё так хорошо растёт?

Итак, поработав пару часов, я закрыла куриный сарай и пошла домой. Пора было вставать к плите, готовить сегодняшний ужин и завтрашний обед заодно. Усталость, конечно, уже давала о себе знать, но выбора особого снова не было: домочадцев надо кормить. Да и постояльца тоже, – это ведь как на корабле: принял пассажиров – создавай для них человеческие условия.

Сашка, мой незаменимый помощник, уже почистил к моему приходу картошку и поставил варить курицу, что значительно облегчало задачу. Сейчас сварю супчика на завтра, раз бульон готов, макароны приготовлю – с отварной курицей пойдут на «ура»; разогреют уж сами. А ещё картошки поджарю, салата из зелени с огурцами покрошу – это чтобы нам всем сейчас поесть.

Да, а огурцы-то, кстати, где? Тыфу, вот ведь балда я: порадовалась сегодня, что так рано посадила огурцы, полюбовалась на первые плоды, похвалилась Сашке, что теперь их не надо покупать, а сорвать – забыла.

– Сынок! – окликнула я Сашу. Ответа не последовало, и пришлось позвать снова. – Саша!

– Что? – наконец послышалось недовольно из комнаты. Видно, занят сильно.

– Будь добр, принеси огурцов. И укропа ещё, – попросила я.

– Откуда? – удивился сын.

– Из огорода, конечно же!

– Там уже темно, ничего не видно, – ответил сын.

– Возьми фонарик, а где искать, я показывала, – не сдавалась я. – А ещё сходи к дяде Стасу, скажи, пусть тоже ужинать идёт, минут через десять всё готово будет.

– Мам, я фильм смотрю! – сообщил сын. Встать с дивана, находящегося в зале прямо перед телевизором, он даже не подумал.

– И что? – уже возмутилась я, заглядывая в комнату. Ну, так и есть: Сашка развалился на диване, сжимая в одной руке пульт, а рядом в кресле клюёт носом отец. – Предлагаешь мне самой сбегать?

Сашка вздохнул.

– Ты же уже была в огороде, почему сразу огурцов с собой оттуда не захватила? – укорил он меня.

– Забыла! Но что ж теперь, салат не готовить, что ли?

Сашка немного помолчал, а потом выдал гениальную идею:

– Пусть дедушка сходит. Он всё равно не смотрит, только носом клюёт.

Папаня встрепенулся, что-то возмущённо забормотал, да и я опешила было от такой наглости, но быстро опомнилась:

– А ну подъём, сопля! – рявкнула я, и Сашка, недовольно бухтя себе под нос, соизволил подняться с дивана. – А-ну пошёл и сделал всё быстро! А уж потом валяйся сколько влезет.

– Ну ты же сама забыла... Можно хоть попозже, когда реклама будет? – мямлил он, продолжая коситься на экран телевизора.

– Я сказала: быстро!

Он лишь глянул на меня недовольно, – о, если б взглядом убивали! – и поплёлся на выход.

Да уж, подумалось мне, с генетикой трудно хоть что-то поделать. Вот ведь, зараза: Вася же почти не занимался сыном, всегда был где-то, но не с ним, а нет-нет, да проскакивает в Сашке вот такое, из серии «моя хата с краю»: что угодно скажет и сделает, лишь бы не париться! Неужели вырастет парень таким же безответственным? И как с этим бороться?... Эх... да никак, наверное. Только жизнь всё расставит по местам, да и кто знает, как лучше? Я вот со своей ответственностью чего хорошего видела? А ничего, только труд нескончаемый.

– Дядю Стаса не забудь позвать, – бросила я вслед сыну.

– Да не забуду! – буркнул сын. – «Дядя»! – возмущался он уже во дворе. – Молодой такой, а уже дядя! Его б за огурцами и посылала.

За столом нас сегодня было четверо: я, Сашка, отец и Стас. Где находится Серёга, никто не знал, но догадаться было нетрудно: естественно, нашёл собутыльников и где-нибудь гудит... Но это была та самая тема, по которой я своё давно отпереживала и возвращаться к ней не собиралась.

Сашка уплетал за обе щеки и картошку, и салат – на то он и ребёнок, растёт, вот и голодный всегда, оттого и аппетит хороший. А вот остальные... Остальные не радовали. Ну, отец-то, понятное дело, вечно всем недовольный. Ни одного приёма пищи пока не обошлось без его напыщенного:

– Эх, Надежда, Надежда! Сколько ты ни старайся, а до матери покойной тебе далеко! Так готовить и не научилась... – после этого он обычно пускает слезу, подходит к иконе и крестится. Следует заметить, что при личном, так сказать, общении, он матери никогда ничего подобного не говорил: оценил таланты только после её смерти.

Я тихо вздохнула. Как ни странно, мне не хватало Васки и Серёги. Эти едят всё подряд и всегда хвалят... Тут же не дождёшься: один быстро пометал и убежал, другой до утра будет в тарелке ковыряться и поджимать губы. Надо же, а я считала, мне всё равно, кто и как относится к моей стряпне: все сыты – и ладно... Однако, похвалы после такого непростого дня мне отчего-то действительно очень не хватало.

Понимая, что и не дождусь, я с еле заметным вздохом перевела взгляд на своего... гостя и обнаружила, что он тоже поданными блюдами недоволен: брови нахмурены, сам чернее тучи, каждый кусочек в тарелке критически рассматривает, тщательно всё пережёвывает, – не дай Бог, чего несанкционированное попадётся! Что ты! Аристократ!

– Я бы попросил, – проговорил он, заметив моё внимание, – использовать поменьше масла при жарке картошки в следующий раз. Это первое. Второе: в таком салате майонез неуместен: овощи следует лишь немного приправить маслом и предложить на выбор специи отдельно. И третье: так поздно ужинать вредно: уже половина двенадцатого! Немудрено, что ты сама так выглядишь: излишне полная и с нездоровым цветом лица. Это результат твоего неправильного образа жизни, – заключил он, и раздражение всего сегодняшнего дня вскипело во мне, как квас в пластиковой бутылке, если её сначала нагреть, а затем уронить. Ещё какой-то мажорик поучать меня будет!

Я в бешенстве отшвырнула вилку и в упор посмотрела на постояльца, встретив прямой взгляд человека, убеждённого в своей правоте. Мои папа и сын, видя, что начинается, мгновенно перестали жевать и притихли, уставившись на меня.

Вообще-то, скандалы за столом у нас происходили довольно часто: самое время и место для этого – все в сборе! И, как правило, ругалась я с Васькой, но иногда и с Серёгой. Порой и папаня меня доводил до ручки, но на старика сильно я никогда не орала. Сашка же, как только у нас начинались баталии, предпочитал утечь подобру-поздорову, как и на этот раз.

– Пойду проверю, курятник закрыт или нет, – пробормотал сын и – вжик! – ретировался.

– Тебе тут что, «Званный ужин»²? – спросила я тем временем тихо и зло, продолжая смотреть в глаза того, кто позволил себе такие комментарии в адрес моей еды. Очень уж напомнили мне это ранее просто кулинарное, а теперь и весьма скандальное телешоу его обидные (а хуже всего, что совершенно правдивые!) слова.

Моя реакция Стаса откровенно удивила. Я так поняла, что жрёт он в основном в ресторанах, и предъявлять там претензии поварам и официантам у него давно устоявшаяся традиция. Но здесь-то ему не ресторан!

– А что не так? Я указал на недостатки такого питания. Не пойму, чем ты недовольна? – спросил он недоуменно.

– Во-первых, – начала я, – у себя дома я буду готовить то, что мне нравится, буду лить масло и майонез в таких количествах, которые сочту нужными. Во-вторых, – я сделала паузу, уставившись ему в глаза, – если кому-то не нравится, как я выгляжу, так я не червонец, чтобы всем подряд нравиться. В-третьих, я бы рада накрывать на стол пораньше, но для этого надо и возвращаться не в девять вечера, так что, пусть скажут спасибо, что вообще готовлю после трудового дня, а не забиваю на это совсем. И в-четвёртых: в чужой монастырь со своим уставом не ходят, – у нас в России так, не знаю, как там, в Белоруссии!

– А я ещё одну поговорку знаю, – тоже сжигая меня взглядом, но тихо и с расстановкой произнёс Стас, как только я умолкла, – кто платит, тот и заказывает музыку!

– Согласна, – кивнула я в ответ на его слова и тоже продолжая пристально смотреть на него, – но ты пока нихрена не заплатил. Зато сожрал за сегодня на день моей работы!

– А тебе жалко, что ли?!

– Не жалко. Просто всё это стоит денег и моего времени, которое я могла бы потратить на отдых, а раз тут ещё и критика пошла, так я тоже молчать не намерена! Так вот, ты нихрена пока не заплатил, – повторила я с нажимом, – зато гонор свой успел показать. И вообще, мы договаривались на жильё и услуги. Про еду и слова сказано не было!

– Так что мне, с голоду теперь сдохнуть? – с нескрываемой яростью рявкнул он.

Я еле удержалась от соблазна бросить ему: «Твои проблемы!» Вслух же произнесла как можно спокойнее:

– Нет. Я буду тебя кормить, разумеется. Но харчами перебирать не позволю! Жри то, что дали, или можешь вообще не жрать! Ты понял? Мне твои замечания нужны как телеге пятое колесо!

Стас подобно мне же отшвырнул столовый прибор и поднялся из-за стола, сжав кулаки и продолжая свирепо смотреть на меня... Я в жизни не видела таких выразительных глаз! И чувствовала: он бы меня сейчас просто убил.

Честно говоря, я маленько перетрухнула – сердце в пятки ушло! Что-то подсказывало мне: этот таков, что способен запросто разнести здесь всё и поубивать всех, этот совсем не то, что мои балаболы! Но при всём при том, у него ведь и так проблем хватает, и если не совсем идиот, добавлять их себе он не будет, замолчит сейчас и признает в итоге хотя бы про себя, что был неправ. Да уж, а кулаки-то у него – огромные! С мою голову, наверное. Ну интересно, хоть по стен-то треснет или нет?

Но Стас лишь постоял так с минуту, а потом с грохотом отбросил в сторону стул и заторопился на выход.

– Резинку мою для волос верни и не смей ничего брать без спроса! – рявкнула я ему вслед, заметив свою вещь на его «хвосте» в последний момент. Стас тут же сдёрнул дешёвую

и далеко не новую синенькую безделушку с небрежного пучка, в который были собраны его светлые прямые волосы, и зашвырнул куда-то. А потом выскочил на улицу, не забыв садануть как следует дверью.

Я не выходила больше в этот вечер на улицу и не прислушивалась, но мне даже хотелось, чтобы Стас уехал. Взбесил он меня такими речами, а хамства в своём доме терпеть я не намерена. Я и так пошла ему навстречу, да и вообще, не жалею себя, чтоб остальные с голоду не сдохли, а тут такое... Да пусть проваливает, если ему тут не нравится! Денег не будет – и чёрт с ними, раньше жила без них – буду жить и дальше, а продаваться в рабство не имела намерения никогда.

Я была так зла, что даже читать не смогла, всё переваривала услышанное и бесилась: ишь ты, мажор оборзевший!

Ишь, критиковать меня он будет, стульями да вилками швыряться! Сопляк! Да я, между прочим, хорошо готовлю, сама очень довольна собственной стряпнёй и не раз слышала комплименты от окружающих.

И такое произнести посмел: «излишне полная и с нездоровым цветом лица»! Да за такое убить мало! Сам-то красавец писанный, тоже мне: ни кожи ни рожи! Волосы ещё отпустил как у бабы! И вот ему как раз жрать и надо бы побольше, а то ведь дрищ дрищом!.. Хотя такого и кормить, похоже, бесполезно: гончая порода, на всю жизнь шваброидом и останется... терпеть таких не могу! В голодный год за мешок картошки бы с ним не легла!..

Тьфу, гад! Шоб ты икал!!!

Но, позлившись немного, я всё же заснула, сама не заметив, как. В конце концов, мне опять завтра на работу, и разные белобрысые придурки не должны на это влиять никаким образом.

Одно было хорошо: скандал со Стасом помог мне напрочь позабыть про Ваську.

Никуда Стас не уехал: просто затаился в отведённом ему помещении – второй половине моего дома с отдельным входом с другой стороны и три дня не попадался мне на глаза. Я к нему тоже не совалась. Взрослый же человек? Взрослый. И я ему не мамочка, кормить с ложечки не буду, а значит, захочет жрать – сам попросит.

Но невозможно передать, как мерзко всё это время было у меня на душе, особенно когда я поостыла после скандала. Вот она, одна из дурацких черт моего характера: не могу жить в одном доме с тем, кто находится со мной в состоянии войны. Для меня в такой ситуации легче самой извиниться и исчерпать конфликт.

Я прямо кожей чувствовала направленный на меня негатив, даже через стену. Но идти мириться с ним?.. Конечно, мне стало бы легче. И мне жутко этого хотелось... Однако я сдержалась. Кто он такой, чтоб мне указывать, а тем более – оскорблять? Пусть сам извиняется. Он виноват, а не я.

...Итак, прошло три дня, подошла к концу рабочая неделя, и домой я в тот день возвращалась уже не вечером, а поздним утром, после того, как сдала смену.

Электричка подъехала к перрону в Шуберке, и я привычно вышла на платформу, с трудом держа тяжёлые пакеты с продуктами в обеих руках: пришлось много чего купить, потому что дома закончился и сахар, и подсолнечное масло, и крупы, и соль, и стиральный порошок. Теперь, понимала я, топать мне до дома перебежками, иначе не получится – слишком тяжело; час идти буду, не меньше. Зато можно будет сегодня и побездельничать: впереди неделя выходных. Все домашние дела откладываются на завтра, а сегодня – спать! Вечером, может быть, к Галке съезжу... но это как получится. Уже не тянет меня на развлечения как раньше, валяться и читать нравится больше, тем более в вечернее время...

Вдруг откуда ни возьмись в мои мысли ворвался знакомый ломающихся голос:

– Мама!

Я аж остановилась, озираясь по сторонам. Откуда здесь может быть тот, кому я мама? Он же говорил, что одному по лесу ему ходить страшно! Вот жук!

– Мама! – послышалось снова, и я увидела Сашку в толпе: махая мне рукой, он радостно бежал по перрону мне навстречу.

– Ты откуда здесь? – всё ещё недоуменно спросила я пару секунд спустя, когда сын уже забирал у меня пакеты.

– А ты разве не рада? – в своей манере хитро спросил он.

– Конечно, рада! Верни один пакет и возьми себе мороженое, – разрешила я.

Сашка поставил один пакет на землю, завозился в нём в поисках угощения. Я стояла и ждала, пока он его найдёт, а потом распечатает. Вот хорошо, что встретил: пока дотащи-лась бы я с таким грузом до дома, растаяло бы всё как пить дать.

– Знаешь, мам, – задумчиво произнёс сын, откусывая от вафельного стаканчика с крем-брюле, когда мы с ним уже продолжили путь по перрону, – а Стас не такой уж противный! Он мне даже на машине порулить давал. Знаешь, как здорово?

Я во все глаза уставилась на сына. Это ещё что за новости?

– Куда ж это вы с ним на пару ездили? – недовольно спросила я. Конечно, пронеслось в голове, небось есть у него деньжата. Жрать захотел, вот и поехал в магазин, а Сашку взял с собой, чтоб не заблудиться. Что ж, прекрасно, теперь у меня есть все основания, чтобы пойти к нему и хорошенько поскандалить, а может, и выгнать к чёртовой матери. Ишь, разошёлся! Ребёнка неизвестно куда возить!..

Но совершенно неожиданно мой сын ответил:

– Никуда мы с ним не ездили. Сюда приехали, за тобой!

– Зачем?! – оторопела я.

– Я ему сказал, что ты после смены всегда очень уставшая и с тяжёлыми пакетами приходишь, а он предложил, раз такое дело, за тобой на машине съездить и попросил показать дорогу до станции. – Мы с сыном с минуту смотрели друг на друга. – Только и всего! – добавил он. – А разве плохо?

Я была в замешательстве: не знала, что ответить. Надо же, меня – и встретить? Так просто?..

Да хрень это всё, разумеется! Жрать этот Стас захотел, жрать и больше ничего! И таким вот образом решил ко мне подмазаться, чтоб накормила. Васька точно так же делал, сто раз!

Я посмотрела вперёд и увидела-таки своего постояльца.

Стас стоял возле навесика, служившего здесь подобием вокзала, и тоже смотрел на меня... На нас с Сашкой. В простой одежде, джинсах и белой футболке, он выглядел, на мой взгляд, намного лучше, чем в дорогих шмотках, которые были на нём, когда я впервые села к нему в машину, привычнее для меня, во всяком случае, понятнее, так не ощущалось неравенство.

– Я ему опять твою старую резинку для волос дал, – извиняющимся тоном признался мне Сашка тем временем. – Ему очень нужно. Он по утрам в лесу бегает, ему волосы мешают. Пожалуйста, не ругайся на него!

– На него – не буду, а на тебя поругаюсь: ты же дал! – пообещала я и... улыбнулась! Сама не знаю почему, но улыбнулась. Отчего-то мне было до ужаса приятно, что меня встречают. Такая, казалось бы, мелочь... Я сто раз ходила отсюда до дома пешком, уже давно не считала это трудным, привыкла, что эти километры ни с кем не делю – как и тяжеленные пакеты. И тут вдруг...

Я поравнялась со Стасом.

– Привет, – поздоровалась я первой.

– Привет, – он пожал плечами и тоже слегка улыбнулся, как-то снисходительно, словно делая мне одолжение. Я хотела было снова разозлиться, но тут Стас неожиданно забрал у меня второй пакет и улыбнулся шире. – Пошли. Я машину не закрыл, – сказал он.

– Да тут в неё некому влезать... – со вздохом сообщила я.

Пауза длилась слишком долго – все уже и до машины дошли, и расселись: Сашка сзади, я – рядом с водителем. Стас даже успел включить зажигание. Надо ведь было что-то говорить... Или не надо? Но почему так легко сказать человеку гадость, пусть и ответную, и так трудно с ним после этого просто заговорить?

– Мороженку хочешь? – всё, что пришло мне на тот момент в голову – это и произнесла, в упор посмотрев на него.

– Давай, – тихо ответил Стас.

Мы посмотрели-посмотрели друг на друга и как-то одновременно начали улыбаться. Кажется, конфликт был исчерпан.

Глава 7

Рыжее предзакатное солнце зацепилось за верхушки сосен, росших неподалёку от моего двора, мазнув червонно-золотым и по самым деревьям, и по редким облакам, и по всему, до чего смогли достать его лучи. Небо из нежно-голубого постепенно перецветало в насыщенный ультрамарин. От забора с западной стороны двора и росших прямо за ним деревьев медленно надвигалась глубокая тень.

Я дополола грядку картошки, разогнулась, расправив плечи, немного размяла поясницу, оглянулась на проделанную работу... Славно, однако, потрудилась сегодня: сорняки, подобно поверженным врагам, пали в неравном бою, и теперь огород выглядит так, словно и не было на нём ещё с утра зарослей бурьяна, всё чисто и красиво, как и полагается на образцовом огороде, принадлежащем хорошей хозяйке. И, так как проделанная работа радовала, а дело приближалось к вечеру, пора было мне уже и отдохнуть.

Походя умывшись и вымыв руки прямо под брызгалкой, поставленной для полива огурцов на другом участке, одном из тех, из которых и состоял мой огород, я собралась было домой, да задержалась – присела по пути на лавочку под яблоней, чтоб ещё немного полюбоваться результатом трудового дня... ну, и, конечно, тем, как другие работают.

Сашка, всё ещё не расставшийся с тяпкой, продолжал самоотверженно бороться с сорняками, при этом бросая на меня недовольные взгляды, и мне становилось его всё жалче. Он ведь хороший помощник, я им очень довольна. Сегодня, к примеру, работал со мной наравне, честно, не отлынивая, – только на последней грядке скис, что и немудрено: жарыща-то как в парилке! Похоже, пора и мелкого уже отпустить.

– Бросай, ребёнок, хватит на сегодня, – крикнула я ему наконец.

– Сейчас, – буркнул он, едва заметно просияв: надоело ведь бурушить! – Мне чуть-чуть осталось, – сообщил он.

– Бросай, говорю, потом доделаешь, – повторила я, – лучше сходи домой и принеси матери холодного кваса.

– Ладно, – с деланной неохотой согласился Сашка, осторожно пристраивая тяпку к стене сарая, до которого он как раз добрался. На лице его написана была уже нескрываемая радость.

Вообще, в огород я загоняла его нечасто: в основном, всегда просила поливать, а с прополкой справлялась самостоятельно, ибо дело это муторное и требующее скрупулёзности. Просто в это лето при невероятном обилии попеременно сменяющих друг друга проливных, похожих на тропические ливней и убийственного, невыносимого зноя сорная трава так и пёрла, и я не успевала её рвать в одиночку, а потому проходило просить сына помочь... Да и вообще, для чего в моём доме растёт молодой боец? Не убудет с него, если он лишний раз поработает... да нет, это у других так! Я, сама напахавшись в детстве на грядках и хорошо помня, как это «приятно» ребёнку, всё же старалась сына сильно не перегружать, просто помочь мне больше в самом деле было некому.

Итак, Сашка ушёл в дом, а я, расположилась в тени под яблоней, в ожидании кваса развлекаясь сбрасыванием со стола мелкой и ещё совсем зелёной падалицы, – эх, жаль, осыпаются яблочки от жарыщи, избавляется дерево от перевеса, не справляется. Дождя бы уже...

А вообще, старая раскидистая яблоня была до сих пор не спилена вовсе не из-за своей урожайности – яблоки она даёт мелкие и кислые, годные только в сушку да на компот. Зато у нас оборудовано под ней славное местечко для отдыха: две лавочки и стол. Когда летом кто-нибудь приезжает ко мне в гости, посиделки мы устраиваем именно здесь. Место очень удачное: дерево затеняет его со всех сторон и бережёт от палящего солнца. К тому же, окно моей комнаты тут совсем рядом, и потому ночью, если вдруг засидишься, можно и переноску в форточку выкинуть, включить через неё ночник и общаться хоть до утра, не беспокоя спящих.

Да и вообще, у нас хорошо, благодатно так... Очень тихо, особенно с прошлого года, когда из-за пожароопасности закрыли соседний с нами лагерь, да так больше и не открыли. И лес тут рядом, буквально за порогом, и до реки рукой подать, – удобно, красиво и спокойно всегда. Насекомые, правда, летом донимают, ну да ничего, мы привычные, а если уж совсем невмоготу становится, можно и намазаться каким-нибудь специальным средством от них, ну, а в доме – сетку на форточки прибить, а двери тюлем занавесить. А вот приедем я прямо не завидую: думаю, комары здорово портят им жизнь – вот как Стасу, например.

Я обернулась через плечо и как можно незаметнее бросила на него взгляд.

Уже, наверное, с час, как только солнце пошло на закат, он занимался какой-то гимнастикой, тренировался, выбрав для этого место на противоположном от меня конце двора в тени одной из сосен, что росла не за двором, а прямо на его территории. По случаю жары был он одет в одни только домашнего вида шорты, и... честно говоря, приятно было посмотреть на него... с голым торсом. Не знаю, что это за вид спорта такой был, но со стороны это выглядело как танец, и вроде это называется ци-гун, я такое по телевизору видела... Или нет? К сожалению, я полный профан в этих восточных штучках. А вот Стас, видимо, увлекается.

И как охота ему только по такой жаре напрягаться? То бег, то гимнастика... Как ему не лень?

Ладно тебе, Надька, не завидуй! Ты сама давно мечтаешь привести в порядок своё далеко не спортивное тело, да у тебя вечно не понос – так золотуха. Признайся: лентяйка ты распоследняя, а работой только отмазываешься. Чем критиковать его про себя или делано жалеть, подняла б лучше от скамейки собственный зад и тоже ручками-ножками помахала да гузкой потрясла, глядишь, и похорошела бы через полгодика, да уж куда там!..

Размышляя, я сама не поняла, как повернулась и уставилась на своего гостя уже совсем беззастенчиво.

Больше недели он тут живёт, а пока ничего не изменилось: как я не знала, кто он такой, откуда взялся и прочее, так и не знаю. С того памятного дня, когда он приехал за мной вместе с моим сыном и встретил с электрички, мы больше с ним не ссорились, но и не разговаривали почти, разве что по делу. Только одно он мне тогда и сказал:

– Если собираешься вот так же, как сегодня, покупать жратву или ещё чего нужное, позвони, незачем геройствовать. Мне всё равно тут целыми днями абсолютно нехрен делать и тебя забрать не лениво, – и, не оборачиваясь, направился к себе.

– У нас тут не сильно-то дозвонишься, – несмело напомнила я, – да и номера твоего у меня нет.

– Сыну звони, он прекрасно мне всё передаст. И если начать звонить заранее, то, не смотря ни на какие затруднения, сообщение о вызове успеет до него дойти. – Стас на миг обернулся, хмуро улыбнулся. – Хрень, конечно, для двадцать первого века, полная, но работает, – несколько назидательно добавил он.

Я пару минут ещё стояла и смотрела ему в след. Быстро же он освоился с нашей неуловимой связью, и – надо же! – оказывается, сам по себе может быть совсем не противным! Чудеса да и только.

Одно только не давало мне покоя до вечера: номер-то свой Стас мне так и не дал! Не понимаю, с чего бы вдруг, но испытала разочарование по этому поводу.

Ещё раз Стас просил меня закинуть в стиралку его вещи – но тоже так странно, через Сашку. Я, разумеется, не отказала, хотела даже повесить всё на верёвку сама и отдать уже сухим и чистым, но тот же Сашка опередил меня и сделал это сам.

К стряпне моей постоялец больше ни разу не придирался, а за то, что высказал своё мнение о моей внешности – скупое извинился, но на этом наше общение по сути и заканчивалось, напоминая некий худой мир, что, говорят, лучше доброй ссоры.

Мои домочадцы, отец с братом, от моего решения взять квартиранта были не в восторге: что ни говори, а привыкаешь к жизни в глуши и безлюдье, посторонние на собственном дворе начинают раздражать, но если Серёга в редкий момент просветления буркнул лишь что-то вроде «дело твоё» и особо со Стасом не пересекался, то отец мне весь мозг продолбил, выясняя, кто это такой, откуда и зачем у нас поселился. Однако, как только я пообещала папе денег, которые Стас заплатит мне за проживание и иже с ним, от меня, недовольно морщась, всё же отстали, но я не раз с тех пор наблюдала, как папаша, думая, что никто его потуг не замечает, следит за квартирантом или же, как бы к слову, задаёт ему различные каверзные вопросы, встречая во дворе или за столом. Но беспокоиться мне было не о чем: то, что папаша продаст за деньги или даже малейшую надежду на их скорое появление и родную мать, я точно знала.

Зато Сашке Стас очень даже понравился: мелкому льстило, что взрослый мужчина позволяет называть себя на «ты» и по имени и вообще общается с ним, как я поняла, на равных.

...Я тем временем всё продолжала на него смотреть.

А он всё же красивый! Это только в сердцах я о его недостатках вспомнила, теперь же понимала: да, у моего гостя непривычный для меня тип внешности, он в самом деле худоват, а вертикальные мимические заломы на скулах делают его лицо таким неулыбчивым и порой даже мрачным, но на самом деле Стас очень даже привлекательный. И ещё: как мне не раз приходилось слышать, симпатия или антипатия к человеку возникает за три секунды после первого взгляда на него, и это впечатление довольно трудно перебить... Хм. Похоже, это верное утверждение: ведь первого взгляда-то он мне очень даже понравился!

Парень он совсем молодой – лет двадцать пять, наверное, не больше. Высокий такой... Или это я маленькая? Да нет же, в самом деле высокий, выше, чем Васька – а в том метр-восемьдесят пять. К тому же, в отличие от моего супруга, про которого я шучу, что ему через пару месяцев рожать – стройный, поджарый, хотя, повторюсь, излишне всё же худой, если на мой вкус, не смотря на неплохую мускулатуру. Но худоба как раз таки легко поправима: женится – и молодая жена его, скорее всего, раскормит, ну хотя бы немного.

Я усмехнулась.

Интересно, а девушка у него есть?.. Есть же, наверное: свято место пусто не бывает! Небось, отгламуренная девица девяносто-шестьдесят-девяносто, с шикарными волосами, надутыми губками и сиськами, одна из тех, что носят дорогие мини-шмотки, брюлики на всех частях тела и маленькую противную собачонку, живут на Рублёвке... или как там это у них, в Белоруссии называется?..

Да успокойся, ты, Надежда! Тебе-то что за дело? На такого, как Стас, ты давно можешь только полюбоваться. Да и нет у тебя желания заводить шашни... Давно уже нет. Во всяком случае это не приемлемо на собственном, полном народом, дворе. Лучше думай о том, что от тебя муж уже ушёл, а денег ты пока так и не видела, а не о глупостях, недостойных взрослой серьёзной женщины.

Вздыхнула... А ведь он мне нравится, раз я думаю обо всём об этом! Уж не знаю, как это происходит у других, но когда человек мне нравится, я чувствую это сразу, с первого взгляда. Мне не нужно подумать и осмыслить, привыкнуть, срастись с мыслью и подобное бла-бла. Вопрос заключается лишь в том, дать или не дать ход тому, что уже происходит в душе и тому, что, возможно, начинается. Но, слава богу, я-то Стасу не нравлюсь, а значит, не от меня тут всё и зависит. Да и как такое может быть, чтоб я его заинтересовала? Это же просто смешно!.. А раз так, то и волноваться не о чем: полюбуюсь на него молча, пооблизываюсь, как голодная кошка на сметану, да на этом всё и закончится.

Эх... Поскорей бы уже он попросил меня сделать то, что ему нужно или, там, с отцом своим как-то созвонился, заплатил и отвалил. А то прямо стыдно от собственных мыслей, честное слово! Спасибо хоть, что знаю об этих мыслях только я одна и никому не собираюсь в них исповедоваться.

Но как же он здорово двигается! Глаз отвести невозможно!

– Мам, я квас принёс, но банка не открывается, – услышала я за спиной голос Сашки и обернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.